

ISSN 0132-2095

БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

№ 22 1991

Георгий РОЖНОВ

ВСЕСОЮЗНЫЙ РОЗЫСК

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 22

Издается с января 1925 года

Георгий РОЖНОВ

ВСЕСОЮЗНЫЙ РОЗЫСК

ОЧЕРКИ

Москва. 1991

Георгий РОЖНОВ

Георгий Владимирович Рожнов родился в 1935 году в Ленинграде. Пережил блокаду. Окончил редакторский факультет Украинского полиграфического института имени Ивана Федорова. Работал в органах внутренних дел — оперуполномоченным, начальником отдела журнала МВД СССР «Воспитание и правопорядок», на ответственных должностях в исправительно-трудовых учреждениях Камчатки и Коми АССР.

С 1988 года — в журнале «Огонек»; член редколлегии, редактор отдела внутренней политики и социальной защиты.

Член Союза журналистов СССР, лауреат премий журнала «Огонек» за 1988—1990 годы.

Все представленные в этой книге очерки Г. Рожнова были опубликованы в 1990 году на страницах «Огонька».

КРЫША

В Воронеже событие: убит Брычев. Вячеслав Михайлович. Славик. Брыч. Женат, молод, судим. Мяслик Центрального рынка.

Похороны едва не державные. Траурный кортеж — десяток автобусов и семьдесят два легковых автомобиля. Отдельно — оркестры, венки, горы живых цветов в начале марта. На перекрестках вместо милиции — крепкие мальчики в кожаных пальто или кожаных куртках. Могила — на юго-западном кладбище, где уже не хоронят даже номенклатуру. В дни похорон и поминок — никаких комедий в кинотеатрах, никакой порнухи в видеотеках, никакой «Ламбады» в ресторанах — траур. Венков на могильном холме уйма, а на лентах надпись одна: «Славику от друзей».

Друзья стоят при прощании молча, строго, прощаются с усопшим без слезинки, в голосе металл:

— Мы отомстим. Смерть за смерть.

В управлениях внутренних дел и госбезопасности офицерам раздают табельное оружие, рации, бронежилеты, флаконы с «Черемухой». Разъезжаются по городу группы захвата — брать друзей Брыча. Кто удачно, кто нет — успели лечь на дно. Привозят изъятые стволы, наркотики, совзнаки и валюту. Чертыхаются: спугнул клиентов выстрел в Брыча, ищи теперь ветра в поле. Одна мелочь идет, нижний эшелон — «пехота».

Убил Брыча стыдно сказать кто — мужик до того неприметный, в оперативных сводках и не мелькал никогда. Да и с чего мелькать — не торгош, не кооператор, от получки до получки жил. Летом подраядился сторожить сады на юге, заработал пять тысяч, а на весь город растрепал, будто все двадцать. Брыч тут как тут, приехал за бедой своей на «Волге» с двумя приятелями: «Отдай!» Тот, понятно, ни в какую. Два дня его пытали — как в домашних условиях, так и с выездом. Опять не отдает. Пришлось Брычу братья за детей этого упряма — одному годик, другому — четыре. Тут отец и осмелел — ухватил ружье и прямо Брычу в сердце из двух стволов.

Убийцу не арестовали, но спрятали понадежнее — помнили, что обещано было ему на тех похоронах. Фамилию его, понятно, даже в стенах прокуратуры вслух не называют, говорят — «Стрелок». И в прокура-

туре, и в УВД, и в УКГБ сам слышал: «Черт бы побрал этого Стрелка — всю разработку провалил». Оба здешних генерала — Резниченко из УВД и Борисенко из УКГБ — тоже в неудовольствии. Они считают Брычева если не отцом, то старшим сыном здешней мафии, знакомы не один год, подступались совсем близко, да всегда и отступали. Теперь уверяют: Брыча надо было еще пасти, а уж если брать, то наверняка, с выходом на все его связи.

Теперь ломай голову, что с этим Стрелком делать.

Следователь его спрашивает:

— Может быть, тебя, от греха подальше, в тюрьму посадить?

— А жена как? Дети?

Следователь молчит.

Я спросил у него:

— Что же теперь с человеком будет?

— Как что? Убьют.

Я походил по кабинетам двух серьезных в городе управлений, поговорил с офицерами — Брыч у всех на языке. Вспоминают, какие он тут дела проворачивал, каким был всегда везунчиком, как оставлял с носом и сыщиков, и следователей, и прокуроров с судьями. Наслушался я этих рассказов и тоже загрустил — в те недавние совсем годы, когда я носил такую же форму, как и мои сегодняшние собеседники, не выпал мне случай повстречать такого удалца, как Брыч.

Меня утешили — познакомьтесь, пока не поздно, с Запеваловым, его, поди, вся страна знает. Чем не фигура — главарь вооруженной банды, куча оружия, два убийства, готовился хапнуть золота и уйти за кордон. И если об окружении Брыча пока помалкивают — идет следствие, то с Запеваловым и его сообщниками Бердниковым, Мосичевым, Андреевой можно встретиться хоть сейчас. И со следователями КГБ, которые вели это громкое дело. И прочитать, если осилю, все его тринадцать томов.

Сам Запевалов получил «вышку», сидит сейчас в камере смертников и ждет то ли казни, то ли помилования. Дело я прочитал, с Запеваловым, офицерами милиции и госбезопасности познакомился. Начинал, признаюсь, без особой охоты, не я был первым, о деле этом действительно вся страна узнала.

Сейчас я вспомнил, сколько газет в тот месяц писали о банде Запевалова, нашел их и перечитал: «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», в Воронеже нашел местную «Коммуну». «Медицинская газета» тоже откликнулась — Запевалов кончал учиться на детского врача.

Газеты уверяли, что ликвидация банды — ощутимый удар по организованной преступности. Вот и думай — стоит ли после всех этих публикаций и победных фанфар возвращаться к делу Запевалова еще раз?

У начальника 6-го отдела УВД подполковника милиции А. Куркина, который именно с такой преступностью и борется, я спросил: верно

ли пишут, что после разгрома такой страшной банды любимый город может спать спокойно? Или, если говорить строже, официальнее: улучшилась ли в Воронеже криминогенная обстановка?

Алексей Дмитриевич эти дни и ночи мотался с опергруппами по каждому подозрительному адресу, ухватывал и тут же терял то одно, то другое звено в протянутой Брычем цепочке, часто натывался на оружие, наркотики, валюту, нервничал от опозданий, проколов, непонимания и неразберихи, предполагал, что я уже ориентируюсь в сложившейся в городе оперативной обстановке, и потому молча счел мой вопрос дурацким.

Что я знал к тому времени о деле Запевалова? Из множества эпизодов, которые попали в поле зрения следствия и суда, я выделил те, которые были столь очевидны, что не вызывали сомнений ни у государственного обвинения, ни у защиты, ни у суда, и которые не отрицали и сами обвиняемые. Трое — Запевалов, Бердников, Мосичев — с декабря 1987 года стали собирать оружие с целью нелегального перехода госграницы. Преступление? Безусловно. В декабре 1988 года Запевалов вместе с сестрой Бердникова Андреевой убил в Москве с целью ограбления содержательницу притона Г. и проститутку З. Преступление? Тягчайшее. А теперь я выскажу мысль, которая покорила многих: и хранение оружия, и убийство — обычные, каждодневные преступления, которые уже перестали потрясать души наших сограждан.

Выслушав эти мои суждения, подполковник Куркин понимающе помолчал, собрался, сделал лицо серьезным, глаза — строгими и посоветовал адресовать мои вопросы УКГБ — следствие по делу банды Запевалова вели там. В беседе с заместителем начальника Управления КГБ СССР по Воронежской области полковником А. Никифоровым я свой интерес сузил: не кажется ли ему, что мои коллеги-журналисты дело раздули? Не зряшний ли это ажиотаж?

Алексей Дмитриевич насторожился, подумал и ответил, как принято говорить, взвешенно:

— Народ устал от разгула преступности, от беспомощности наших правоохранительных органов. Второе: народ надо было успокоить, обнадежить, убедить в том, что чекистам по силам борьба с организованной преступностью. Это и сделали средства массовой информации.

Полковник не скрывал, что ему не по душе мои сомнения, или, как он выразился, установка. С чего бы так вдруг?

Тут я вынужден возразить — не вдруг. Я, как все наши подписчики, как мой уважаемый собеседник и его подчиненные, тоже число себя читателем, зрителем, слушателем; газетам, радио и телевидению, по крайней мере последние пять лет, стараюсь доверять, и, если мне едва ли не хором твердят, что в Воронеже чекисты преуспели в борьбе с организованной преступностью, я искренне верю, что так оно и есть на самом деле. Но когда из тех же газет уже сейчас, в конце марта, я узнаю, что в том же Воронеже те же УВД и УКГБ начали борьбу с воротилами

преступного бизнеса, я вправе считать себя либо полным профаном в оперативной работе, либо полностью околпаченным. Ни один из этих вариантов мне не по душе, а читатель, полагаю, и вовсе в недоумении: если, допустим, банда Запевалова — организованная, то банда Брыча — дилетанты из уголовной самодеятельности? Или наоборот?

Вопросы эти не случайны, естественны — они родились из простейшего сравнения документов дела с их печатной интерпретацией, а потому хватит с меня хождения по чужим следам, попробуем заново, самостоятельно осмыслить всю череду криминальных событий в Воронеже за год с небольшим, сделав при этом экскурс в недавнее прошлое и попытавшись заглянуть в ближайшее будущее.

Начинать лучше с того, с чего, собственно, и начиналось дело группы Запевалова, названной впоследствии бандой, — с ночи с 24 на 25 марта прошлого, 1989 года, когда в Северном районе Воронежа, у самого ипподрома прозвучали выстрелы.

Эта ночь описана уже не единожды, этот повальный интерес к зурядному в общем-то событию нам еще предстоит понять. Я очень облегчил бы себе задачу, если бы просто процитировал одну из шести публикаций. Но не могу — словно о разных таких ночах пишут авторы. Пристальнее всех изучали воронежское дело В. Кондаков и А. Пятунин — собранного ими материала хватило на три большие статьи в «Советской России». Заголовок — «Банда», рубрика — «Чекисты в борьбе с преступностью». Видимо, случай на ипподроме их так потряс, что они описали его дважды, повторяясь дословно. Читаю: «Мартовским вечером в кабинете дежурного по городу раздался звонок: «У нас в микрорайоне ипподрома какие-то лица затеяли стрельбу из пулемета!»...

Ближайшей оказалась машина подполковника К. Кулакова и капитана М. Сидорова. Времени на подготовку к операции не было, и на место происшествия они приехали без оружия... На опушке леса двое преступников действительно пристреливали ручной пулемет... И двое офицеров шагнули навстречу бандитским пулям: «Руки вверх!»

У собора «Социалистической индустрии» А. Павлова своя подробность: «Пулеметные очереди стеганули ночную тишину». И, наконец, В. Милютин в «Медицинской газете» ведет речь уже не о двух, а о трех пулеметчиках. Во всех публикациях преступники люты и умело сопротивляются, пытаются скрыться, их настигают мастерскими приемами, после чего заковывают в наручники.

Уже в первом чтении эти рассказы показались мне, мягко говоря, странными. Газеты представляют офицеров милиции героями, а я вижу их действия, во-первых, зряшными, во-вторых, неграмотными. К чему, скажите, подставлять грудь под пулеметные очереди, если стрельба идет в чистом поле и никому в ночной тиши не угрожает? Еще больше сомнений появилось тогда, когда из материалов следствия стало ясно, что тот немецкий пулемет по причине своей дряхлости вообще не мог

стрелять очередями, а при одиночном режиме его заклонило. Преступников действительно было двое: уже упоминавшиеся мною Запезалов и Бердников. Как же на самом-то деле с ними справились Кулаков и Сидоров?

Константин Васильевич Кулаков руководит расследованием убийств в Управлении уголовного розыска УВД. Сыщиком он стал без малого два десятка лет назад. Моложав, улыбчив, чуть намеренно простоват. Журналисты ему изрядно поднадоели, и я чувствую грех на душе, что оторвал подполковника от выслеживания очередного убийцы. Посмеиваясь, он выразил надежду, что я не буду в очередной раз делать из него Матросова, ложившегося на пулемет, и давать пищу для местных остряков.

— Дело было так,— рассказал Кулаков.— Мы с Сидоровым мотались в машине по некоторым адресам по Северному району. Оружие нам тогда было ни к чему. Часика в двадцать три слышим по ради — стрельба у ипподрома. Я Сидорову говорю: тут рядом, подскочим? Подъехали к последнему дому, дальше лес, остановились. В лес впотьмах идти было глупо, если кто оттуда выйдет — прямо на нас. И точно, выходят двое. У одного, что повыше ростом, на плечах какой-то сверток завернут. Ношу он свою бросил, дернулся, но куда там — взяли мы их. Вот и все.

Мне кажется, я начинаю понимать, почему мои коллеги прибегли к таким отнюдь не творческим домыслам. Если уверять читателя, что в Воронеже разоблачена вооруженная банда, действовавшая на протяжении почти полутора лет, что она совершила уже два убийства и готовилась «к хищному прыжку за границу», что главарь ее, Запезалов, — жестокий, опытный мафиози, мыслимо ли было допустить, что арестовали преступников столь прозаично? Вдруг горожане возьми да и спроси: а куда ж вы, товарищи милиция и КГБ, глядели все эти полтора года и только случайно изловили бандитов? Та же «Советская Россия» к такому любопытству готова: «Откуда было знать бандитам, что накануне начальниками УКГБ СССР по Воронежской области генерал-майором А. Борисенко и УВД — генерал-лейтенантом Л. Резниченко был утвержден детально разработанный совместный план операции по обезвреживанию этой вооруженной группы. Предварительно план согласован с прокурором области государственным советником юстиции 3-го класса Ю. Горшеневым».

После бесед с обоими генералами утверждаю: это неправда. Не было и не могло быть плана, который брал бы «под колпак» именно эту банду. Зная теперь это, я с еще большим удивлением читаю в «Правде» статью В. Степнова «По лезвию бритвы». Рассказывая все о той же стрельбе у ипподрома, он пишет: «Стрелявшие были уверены, что в лесу они одни. Но уже несколько суток оперативные работники милиции и КГБ буквально не спускали с них глаз». Тут уж совсем концы с концами не сводятся: если Запезалову, как говорят: «сели на хвост», то чего

же ради позволять ему палить из пулемета и на задержание посылать безоружных милиционеров? Одно из двух: или слежка была никудышной, или, что более очевидно, ее не было совсем.

Кому-нибудь еще не ясно, почему, едва начав рассказ об этом деле, я сразу натолкнулся на все эти несуразности, на всю эту липу, на откровенное преувеличение грозившей горожанам опасности и героизма сыщиков? Тогда объясняю: пока речь шла о хранении оружия и даже об убийстве, в котором Запезалов, кстати, признался добровольно уже на третий день после задержания, — обычную эту уголовщину расследовали милиция и прокуратура. Но когда Запезалов с Бердниковым лишь только обмолвились, что мечтали сбежать за границу, ограбить там миллионера и купить банановый остров, а Мосичев добавил, что мечтал укатить в Гонконг, стать там мастером по борьбе кун-фу, — дело немедленно было передано для дальнейшего производства в УКГБ. И там в следственной группе оно почти сразу же стало приобретать откровенно политическую окраску. Едва не самым весомым доказательством стала теперь зеленая тетрадь, изъятая у Запезалова при обыске и приобщенная теперь к делу. Там довольно пространные цитаты из Ницше, Шопенгауэра, Фрейда — о природе человека и сверхчеловека, о силе и власти, о личности и толпе. В. Кондаков и А. Пятунин из той же «Советской России» не могли пройти мимо этой идеологической заразы: «Все, о чем пишет Запезалов, человечество уже проходило. Проходило на самом горьком опыте. И когда пылал рейхстаг. И когда коричневые орды маршировали по Европе. И когда советские солдаты своими телами прокладывали путь свободе от окраины Москвы до фашистского логова в Берлине». После упоминаний о рейхстаге и коричневых ордах повернется у кого-нибудь язык назвать Запезалова просто уголовником? Да и само его дело — разве только об убийстве, хранении оружия и мечтах удраить за границу? «Оно, — вразумляет та же газета, — заставляет взглянуть обостренным взором на такие изрядно стершиеся в обиходе понятия, как бдительность, гражданская ответственность, нравственный климат, в котором мы живем. В борьбе с преступностью, которая развернулась в нашей стране, нам предстоит выступать объединенной силой, давая острую политическую оценку...» Дальше не надо, правда? Дальше каждый из нас сам легко может дополнить знакомый набор принципов, которыми нас призывают не поступаться авторы. Так и кажется, что Запезалову и его сообщникам придется держать ответ не перед судом времен перестройки, а перед Особым совещанием, которое, уж будьте уверены, и бдительность бы проявило, и дало бы острую политическую оценку.

Перед судом эту миссию взял на себя следователь УКГБ старший лейтенант Жданов. Я не просто прочитал — изучил те материалы дела, которыми Александр Николаевич подкреплял обвинения Запезалова в убийстве, хранении оружия и сколачивании банды, — работа ювелирная, подчас изящная. Это что касается Жданова-юриста. А вот он уже офицер госбезопасности, которая уголовщиной в чистом виде если и за-

нимается, то чаще факультативно. Главная ее задача несколько иная, в чем мы сейчас и убедимся.

4 апреля 1989 года. Допрос Запезалова следователем Ждановым:

— Оказавшись за рубежом, кто-нибудь из вас планировал проведение каких-либо действий, направленных на подрыв государственной мощи СССР, интересов нашего государства?

— У вас было намерение установить контакт с зарубежными анти-советскими центрами? С западными спецслужбами?

Ответы, разумеется, отрицательные, но Жданов гнет свое:

— В конце концов вы все равно попали бы в поле зрения разведки той или иной страны, вас бы стали вербовать, стремились бы получить какие-то сведения. Не так ли?

В тот же день Жданов проводит очную ставку Запезалова с Андреевой — это она подсказала ему адрес притона, она способствовала убийству двух женщин. Это будет интересовать следователя? Не только. Вопросы Жданова к Андреевой:

— Вам известны случаи, когда Запезалов или Бердников совершали какие-нибудь антисоветские поступки или действия? Не допускались ли при вас какие-нибудь высказывания враждебного характера в наш адрес? Выражали ли они открытое недовольство советской действительностью? Не допускали ли высказываний политического характера?

Я все думаю: а если бы Жданов убедился в недовольстве обвиняемых советской действительностью, если бы доказал их высказывания политического характера, да еще враждебные, — не украсилось бы обвинительное заключение действовавшими тогда печально знаменитыми статьями 70-й и 190-й прим? Думаю, не хватило у следствия самой малой малости, потому что попытку перехода гостраницы обвиняемым, а потом и подсудимым доказывали совсем уж жиденько. Ну, например, нашли при обыске два номера журнала «Вокруг света», а там две статьи — одна о Сайменском канале и статья о советско-финской дружбе — не факт? А акваланги — не факт? А чертеж приборной доски самолета АН-2 — не доказательство намерения этот самолет угнать и на нем улететь? Все это коварство подтверждено допросами, очными ставками, вещественными доказательствами, отражено в обвинительном заключении и внесено в приговор. И вместе с тем следствие при всем желании не смогло найти ни одного факта, который бы ответил на простейший вопрос: если банда создана, вооружена до зубов, ставит своей целью нападение на всех и вся, а потом и бегство за рубеж, то почему за год с лишним все ее участники занимались только болтовней, трепом, проектерством и ни одним шагом не подтвердили этих намерений? В актив банды трудновато записать и убийство двух женщин, совершенное Запезаловым вместе с Андреевой, — во-первых, как доказано в суде, последняя не входила в состав банды, и, во-вторых, для этого преступления не было использовано уже имевшееся оружие.

Оставим на время Запезалова — на нем убийство, а вот за что 9 лет лишения свободы получил Бердников и 5 лет Мосичев, которые и пальцем-то никого не тронули? За умысел? За намерение?

Представьте себе — в конечном счете именно за это. Потому всем троим — Запезалову, Бердникову, Мосичеву — вменили самую, пожалуй, коварную статью Уголовного кодекса РСФСР — 77-ю (бандитизм). Примечательно, что, впервые появившись в законе в 1922 году, эта правовая норма сохранила свою убойную силу и до наших дней, оставшись почти в неприкосновенности со времен гражданской войны и до наших дней. Назвать группу бандой можно при наличии трех несложных условий: во-первых, в группе должно быть не менее двух человек, во-вторых, она должна быть вооружена и, в-третьих, иметь конкретную преступную цель. Коварство этой статьи именно в том и состоит, что один только факт организации банды уже сам по себе образует оконченный состав преступления, хотя бы ее участники сидели сиднем и предавались мечтаниям. В сегодняшнем Курсе уголовного права мы, например, можем прочитать, что «состав бандитизма предполагает вину в форме прямого умысла». А вина эта, да будет известно, наказывается лишением свободы на срок от трех до пятнадцати лет или смертной казнью. Так что Бердников с Мосичевым еще должны благодарить судьбу, что так легко отделались за свои фантазии.

Стоит ли теперь сомневаться в моих предположениях об отчетливо видимой заданности в раздувании этого дела, о более чем очевидных целях невиданной пропагандистской шумихи вокруг него?

...Начальником УВД Воронежского облисполкома работает генерал-лейтенант внутренней службы Л. К. Резниченко. С этим высоким в МВД званием он пришел сюда в 1985 году, оставив в Москве не менее высокую должность начальника штаба союзного министерства. Штаб был создан светлой памяти генералом С. М. Крыловым, лихо разгромлен Чурбановым и под корень изничтожен сменившим Щелокова Федорчуком. С Резниченко мне довелось говорить ежедневно, иногда даже более чем откровенно — это у генерала от своего предшественника, Сергея Михайловича Крылова. Так вот, когда соседнее с УВД ведомство с несчастем для него откровением знакомило меня с материалами своей блистательной операции по банде Запезалова, Леонид Константинович Резниченко возьми да и скажи: «Вы хотите понять, что такое наша доморощенная мафия? Тогда найдите в областной прокуратуре следователя Лихачева и попросите его рассказать, как рассыпалось в суде дело, которое он начал еще в восемьдесят седьмом году. Это о Брыче, том самом».

Дело, о котором говорил генерал, — в двенадцати томах, покоится сейчас в архиве облсуда, но пыли на нем нет. После убийства Брычева то один, то другой том требуют к себе и УВД, и УКГБ.

Начал читать документы и сразу же понял: вот она, не придуманная, не измышленная организованная преступная группа. Уголовники, судимые не единожды, — мясники Брычев и Мистюков, кладовщик Аса-

фов, торговый руководитель Попов и, наконец, оперуполномоченный ОБХСС Митраков. Только такая спайка вчерашних зека, чиновника и милиционера позволяет создать банду, имя которой — мафия. Попробуй-ка совладать с таким содружеством! Если тебя, денежного человека, вычислили Брычев с Асафовым, если поиграли перед тобой хорошо накачанными мышцами или показали пару приемчиков, Попов слепил на живую нитку документальный компромат, а потом в РОВД этими бумажками тебе стал тыкать сам опер Митраков? Отчаешься, поверишь в горький исход, принесешь, сколько велят.

Владимир Лихачев, следователь прокуратуры, освященное законом знакомство с группой Брычева свел не сразу. Летом восемьдесят седьмого розыск представил ему двух развеселых юношей — Марата Лямцева и Ричарда Яли. Промышляли они — и небезуспешно — на здешнем автомобильном рынке, назывались «кидалы». Продает, скажем, некто свой «жигуль» за хорошие деньги с рук, а Марат с Ричардом тут как тут. То вместо денег «куклу» подсунут, то вообще умыкнут. Веселость этих ребят Лихачеву сначала понравилась — показания давали лихо, гладко, не ершились, а потом и насторожила — уж не потому ли так торопятся они к приговору, что опасаются вывести следствие на более высокое свое окружение? Ведь помимо делишек на авторынке Яли с Лямцевым мошенничали и по-крупному. Найдут желающих купить, допустим, видео и двухкассетник, возьмут деньги — и до свидания. И ведь не спасались потом бегством, не удирали, облапошенные встречали их, бросались едва не с кулаками и вдруг затихали. Ни заявлений в милицию, ни жалоб на публику. Боялись? Тогда кого же?

«Брычева!» — отгадал я, и Лихачев меня похвалил, сам он к этому выводу пришел с помощью ребят из розыска. Когда в оперативных сообщениях стали перед Лихачевым мелькать фамилии Брычева, Асафова, Мистюкова, Попова, он, как всякий нормальный следователь, порадовался такой удаче, а когда вышел на товарища Митракова Игоря Анатольевича, капитана милиции, оперуполномоченного ОБХСС Коминтерновского РОВД, выразился словами, которые мне повторить не пожелал. Можно себе представить, каких трудов стоило Лихачеву сбить эти двенадцать томов дела, крепко сбить, доказательно! Не стоит даже бегло пересказывать десятки эпизодов, подтверждающих преступления этой группы, — здесь и шантаж, и вымогательство, и мошенничество, и, разумеется, рэкёт. Любопытнее другое.

Кто-нибудь заметил, что организацию, созданную Запеваловым, я называл бандой, а компанию Брычева более деликатно — группой? Все дело в том, что знакомая нам 77-я статья УК столь же коварна, сколь и догматична. Преступники могут собираться вместе, ставить перед собой конкретные цели, могут запугивать потерпевших до обморока, пытаться до бесчувствия, но если нет у них оружия — они не банда. Впрочем, в деле, о котором я сейчас веду разговор, оружие все-таки мелькнуло — и не допотопный пулемет вермахта, а новенький автомат сегод-

нышнего отечественного производства. Принадлежал он дружку Брычева Бавыкину, находился в автомобиле, в котором взяла их милиция. Ну и что? Бавыкин не чета дилетанту Запезалову: автомат мне достался по случаю. Брычев о нем и слыхом не слыхивал. Да и вообще, мол, знакомство их шапочное. Как бы там ни было, опровергнуть эту липу с доказательствами в руках следователь Лихачев не смог — вот вам и не банда. А юридического понятия организованной преступности у нас, кстати, до сих пор нет, и мне в связи с этим трудно понять, что именно имел в виду Верховный Совет СССР, обязывая нас бороться с этой самой преступностью, которой в жизни сколько угодно, а в законе вроде бы как нет. Но это к слову.

Итак, последний, двенадцатый том Лихачевым подшит, обвинительное заключение утверждено — что скажет суд? Прежде всего на первых же заседаниях все обвиняемые начисто отказываются практически от всех показаний, данных на предварительном следствии. Обвинение бросает в бой единственный свой резерв — свидетелей. Поздно! Один только глянет на скамью подсудимых и тут же лезет за валидоллом. Второй кается, что на допросах испугался следователя, а у третьего вообще выпадение памяти. Что же касается Брычева, то ему вменяется в вину лишь один эпизод — вымогательство. Приговор — 3 года лишения свободы в колонии строгого режима. Асафову — 5 лет, Попову — 4, Мистюкову и Митракову — по 3 года условно.

Чтобы понять, что с Брычевым происходит после приговора суда, расскажу о преступлении, за которое он получил срок, третий в своей молодой жизни. Здесь появятся два новых персонажа — жестячник комбината похоронного обслуживания Подтыченко и артист цирка Провоторов, которого в кругах, близких к Брычеву, именовали по кличке «Акробат», что было в прямом соответствии с его профессией. Свело их вместе то, что Брычев задумал сбывать на кладбище изготовленные его фирмой венки, а Подтыченко показал ему кукиш, ибо подобным промыслом занимался сам. На усмирение непокорного был брошен Акробат, но вдруг оплошал. Можно предположить, что кладбищенских дел мастер не только дал отлуп ходоку, но и выведал от него, откуда ветер дует.

Такого непослушания, такого коварства Брычев не прощал — Акробат был оштрафован на полторы тысячи рублей, которые покорно отдал в два приема. Я прочитал протоколы допросов на следствии Подтыченко, Провоторова, их очных ставок с Брычевым и друг с другом — никаких расхождений, вымогательство налицо. И даже тогда, когда Провоторов в судебном заседании объяснил свои предыдущие показания незаконными методами ведения следствия и отказался от них, суд вину Брычева счел доказанной. Казалось бы, если человеку предъявляют обвинение по шести статьям Уголовного кодекса, а карают всего лишь по одной, — благодари судьбу. Но такой исход не для Брычева.

Сидя в камере следственного изолятора, он шлет друзьям письмо, случайно перехваченное охраной: Акробат пусть напишет еще раз, что его заставили, запугали, иначе, мол, самого посадят. Я, мол, испугался и все написал со злости на Брыча. А в конце ему надо добавить: «Ну где я мог взять тысячу рублей, а потом еще пятьсот? Я думаю, братва, что лучше его как следует запугать, но пока не бить».

Такие депешки перехватывали у Брычева и во время суда, они приобщены к делу и послужили для председательствующего веским доказательством того, что свидетель Провоторов изменил показания под угрозой расправы.

Не хочу домысливать, в чем эта расправа состояла уже после суда,— важен результат. А он таков. В августе 1988 года, через месяц после оглашения приговора, в Прокуратуру СССР поступает жалоба, исполненная изыскным женским почерком, что крайне странно уже для первой же строки: «Я, Провоторов, занял центральное место в суде над Брычевым В. М., оказавшись потерпевшим, чего в действительности не было. И я хочу установить истину, так как из-за меня осужден невиновный человек. Я раскаиваюсь в своем подлом поступке. Я хочу жить честно. Деньги я действительно передавал, полторы тысячи рублей, но для покупки игрушки «Электрический зайчик», которую я обещал привезти для своих друзей. Я мастер международного класса по акробатике, часто бывал за границей. На допросах следователь неоднократно говорил мне, что, если ты не скажешь, что выгодно им, со спортом можешь распрощаться. А спорт для меня — это жизнь. Брычев не виновен!»

Мне любопытно: догадались ли в Верховном Суде России, что переправленная им жалоба Провоторова написана женщиной? И могли они предположить то, что легко установили позже в Воронеже: «Провоторов подписал то, что было написано рукой жены того самого Брычева, в невиновности которого он уверял. И опять же нам важен результат: 30 декабря 1988 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР своим определением отменила приговор Воронежского облсуда в отношении Брычева и направила дело на новое расследование.

Почерк жены Брычева Натальи я вскоре встречу еще раз, в заявлении на имя прокурора области Горшенева. 23 февраля 1989 года она пишет: «Прошу Вас изменить меру пресечения Брычеву В. М., в связи со смертью отца».

Как поступают прокуроры в таких случаях, что они могут сделать для облегчения страданий осужденного, у которого умер отец? Только одно: выразить соболезнование. Иного законом не предусмотрено.

Как же я ошибался, как был наивен! Уже на следующий день старший следователь прокуратуры Воронежской области юрист I-го класса Федоров А. И. выносит постановление об изменении меры пресечения Брычеву В. М. Упомянув о том, что дело направлено на дополнительное расследование, следователь мотивирует свое предстоящее решение так: «По настоящему делу по различным статьям Уголовного кодекса

осуждены к различным срокам наказания Асафов, Попов, Митраков, Мистюков, которые в настоящее время отбывают наказание в различных ИТУ и не могут повлиять на ход дополнительного расследования». Вывод: Брычеву В. М. меру пресечения с содержанием под стражей изменить на подписку о невыезде. Копию настоящего постановления направить начальнику СИЗО для немедленного исполнения.

Как бы я хотел понять логику юриста I-го класса, из-под пера которого вышел документ настолько бессмысленный, что больше похож на юридический казус. Но важнее другое: выполняя, по сути дела, просьбу жены преступника, Федоров в своем постановлении на нее не ссылается, а придумывает иной, но столь же нелепый как с точки зрения закона, так и здравого смысла предлог для выхода на свободу Брычева. Почему? Что его заставило так срочно искать способ открыть тюремные двери для осужденного, дело которого предложено доследовать?

Как бы там ни было, Брычев, осужденный к трем годам лишения свободы, уже через несколько месяцев сменил тюремную камеру на домашний уют. Но до полного торжества еще далеко: формально следствие еще не прекращено. И 17 марта снова подает голос Акробат — Провоторов. Он пишет следователю Федорову нечто вроде докладной записки, на этот раз уже своим, то есть мужским почерком: «Сообщаю, что в праздник 8 марта я посетил Брычева у него на дому и публично извинился перед ним в присутствии гостей. И Брычев сказал, что больше претензий ко мне не имеет».

Тут уж я никак не могу обуздать свою фантазию. Тем более что у меня есть теперь и наглядное подспорье: исполненное в цвете фото, на котором я вижу Брычева со товарищи за роскошно накрытым столом. И мне видится, как к этому столу подходит (или подползает?) обобраный, униженный, битый не раз Акробат и в присутствии закусывающих вымаливает у гневающегося Брыча отпущение грехов за однажды сказанную правду.

Впрочем, покаявшийся мог бы утешиться, если бы знал, что в это же самое время унижен еще один человек. В этом же марте старший следователь прокуратуры Федоров допрашивал старшего следователя прокуратуры Лихачева. Если перевести строгие формулировки правоведов на живой, человеческий язык, смысл вопросов допроса был примерно такой: кой черт дернул Лихачева сочинять эти 12 томов на Брычева?

Пожалуй, этот допрос своего же коллеги был единственным следственным действием Федорова при завершении всем осточертевшего дела. 24 марта Федоров вынес постановление о прекращении уголовного преследования. Обоснование: «Дальнейшие возможности для собирания дополнительных доказательств виновности Брычева В. М. исчерпаны».

Мне очень захотелось познакомиться со старшим следователем прокуратуры Федоровым А. И. Мне ответили: сразу же после завершения

этого дела Федоров вышел на пенсию. Логично: сделал свое дело — уходи.

Лихачев между тем еще в прокуратуре служит, и ему этот шаг бывшего коллеги сейчас аукнулся, да еще как! Казалось бы, кому поручить следствие по делу об убийстве Брычева и тех его подельников, на которых сейчас вышли снова? Конечно же, Лихачеву! Но в том-то и загвоздка, что допрос Лихачева в качестве свидетеля по прежнему делу сделал невозможным его участие в новом: закон запрещает. Оно поручено старшему следователю В. Курьянову. Начинать ему приходится с азов, устанавливать те обстоятельства, которые тому же Лихачеву знакомы до мелочей. Ворох информации растет, сроки жмут, арестованные, заведя нового следователя, кочевряжатся, и Курьянов увиделся мне вконец издерганным и суматошным, недоверчивым без утайки. Меня привел к нему его же начальник, представил, но Владимир Андреевич этим не удовлетворился, потребовал у меня удостоверение и придирчиво изучил на нем подписи и печати. Потом объяснил:

— Что, у одного Лихачева дело провалилось? У меня вот тоже — сыплется, серьезнейшее! Вот судят сейчас двоих, на них три убийства. Но с каким скрипом идет процесс! У меня такое впечатление, что преступники отлично осведомлены о том, что у меня для них припасено, какие козыри я еще брошу. Почему, спросите? Да потому, что они — давнишние, можно сказать, заслуженные агенты уголовного розыска. Я могу полностью исключить подозрение в том, что кому-то сейчас выгодно их отмазать, спасти от расстрела? Крыша у них надежная, верная.

Но вернемся все же к Брычеву. Выйдя из заключения, он сразу же стал наверстывать упущенное, размах его преступлений стал шире, он действовал наглее, увереннее.

Возвращались после пустячных сроков старые друзья: Мистюков, Яли, Бавыкин. Мистюков, он же Туан, засветился первым, его арестовал уже знакомый нам по запеваловскому делу старший лейтенант госбезопасности Жданов. Взял лихо, в отчаянном рыжке на карнизе восьмого этажа. Сейчас мается: не допросы, а мука для следователя наших дней. Мистюков паясничает, черное называет белым, на свидетелей орет, те тотчас же все забывают. И Жданов, и Лихачев, не сговариваясь, твердили мне одно и то же — нужен закон о защите свидетелей и потерпевших, надежное обеспечение их безопасности. Нужно наконец разрешить использовать в качестве доказательств видеосъемки, применение других технических спецсредств — тот же рэкет, та же взятка даются без свидетелей, в отдельных случаях и милиция, и госбезопасность в состоянии запечатлеть своих клиентов на пленку, но какому суду она понадобится?

После убийства Брычева два соседствующих управления, УВД и УКГБ, провели совместную операцию, но и тут не обошлось без прокола, который пока объяснить трудно: сбежал после ареста из изо-

лятора Яли. Брали его долго, задействовали лучшие оперативные силы, и вдруг на тебе: ушел. С предположениями повременю, хотя более чем уверен в их правдоподобии, — идет расследование то ли головоуятия, то ли еще более худшего. С горечью мне говорили, что не так давно взяли с полицным двух взяточников — оперуполномоченных ОБХСС. Оба молодые, оба комсомольские функционеры, направленные в милицию для ее укрепления.

Уже знакомый нам начальник 6-го отдела УВД Куркин после одной из операций сказал мне:

— Поверьте, мы делаем все, что в наших силах, и даже больше того. И мы уже перестали жаловаться на былые беды: и оклады оперсоставу повысили, и техникой обеспечили. Но никто — ни мы, ни КГБ еще и близко не подобрался к «крыше» — высшему эшелону организованной преступности.

Эта крыша все еще не только недоступно высока для мастеров сыска и следствия. Она надежна для всей той громады преступности, которая разрастается под благодостной ее сенью. Вспомним хотя бы те вопросы, которые я задавал своим рассказом: почему ушел от ответственности Брычев, а потом, злодействуя, не таясь, так долго разгуливал на свободе? За какие заслуги был условно-досрочно освобожден его подельник Мистюков? Каким образом сбежал со строек народного хозяйства еще один соратник Брычева — Лямцев? Кто все же открыл тюремные решетки Яли?

И, наконец, последний, самый для меня трудный вопрос: кому было выгодно устраивать такую шумиху вокруг дела Запевалова, этакую дымовую завесу, укывшую до поры до времени воротил подлинной организованной преступности?

Вернувшись из Воронежа в Москву, я узнал о ликвидации здесь масштабной группировки «Орда». На брифинге в МВД СССР показали изъятые у преступников оружие, ценности, привели ошеломляющую цифру: в минувшем году изобличено 1310 организованных преступных групп. Победа?

— Мы терпим поражение, — сказал знаменитый полковник милиции Александр Иванович Гуров. — Мы отстали на 10—15 лет.

После поездки в Воронеж я склонен назвать цифру еще более внушительную.

ВЫ СЛЫШИТЕ — ГРОХОЧУТ САПОГИ

Поздним вечером десятого октября 1990 года мне позвонил Александр Григорьевич Асмолов — вице-президент Общества психологов СССР. Первая фраза: московский лицей, что в Теплом Стане, вчера за-

хватали войска КГБ. Я насторожился: розыгрыш? Одно из двух — либо ученый подбросил мне тест на сообразительность, либо он — это не он. Потому что дальше я слушал ахиною, бред, чушь несусветную. Коротко: ученику лицея учительница пообещала поставить двойку, а тот пожаловался папе — старшему прапорщику. Папа крепко рассердился и тут же захватил лицей силами личного состава взвода, которым командовал. Штурмовали при оружии, с автоматами Калашникова наперевес. Верить?

Московский лицей, как можно догадаться, уникален и пока неповторим, равно как и его создатель и директор Евгений Александрович Ямбург. Он молод, умен и обаятелен, в учительских кругах известен. Создатель экспериментального научно-производственного педагогического центра «Достоинство». Заслуженный учитель школы РСФСР. И еще, пожалуй, главное — ближайший друг светлой памяти отца Александра Меня, с которым и создал знаменитый лицей. Что же за мука выпала в разговоре с Ямбургом — мне бы об удивительной его методе узнать, на уроках его удивиться, доведаться из первых уст о придуманной им корректировке интеллекта любого, хоть самого пропащего, подростка, а я сейчас вот что узнаю при первом нашем знакомстве:

— Девятого октября, в пять часов вечера, я пригласил на беседу своих коллег из Челябинска — директоров школ, завучей, они гостили у нас. Примерно через полчаса слышу в коридоре топот — тяжелый такой, грохочущий, явно не мои дети. Врываются ко мне в кабинет двое — пятнистая форма, в руках автоматы, короткоствольные такие, знаете? Дулами — в меня. Первый из них, видимо, старший, в крик: «Не двигаться! Школа блокирована войсками казэбэ!» Прыжком к телефону, сорвал трубку. У второго — рация, что-то шепчет в микрофон. Первая мысль — говорили о военном перевороте, вот он! Кого сегодня в первую очередь возьмут на мушку? Нас, интеллигентов. Старший подходит ко мне ближе, четко и громко: «Мы пришли мстить!» Объясняет — у него в лицее учится сын, ему грозят двойкой, как посмели? И тут я успокаиваюсь — очень уж густо несет от этого мстителя спиртным. Словом, стал я его теснить к двери, подальше от моих остолбеневших гостей, заговаривал его, успокаивал, как мог.

Голос у Ямбурга звучит тихо, бесцветно, стеснительно. Ну каково ему рассказывать мне, как в коридоре увидел он одну из старейших своих учительниц Марию Ильиничну Тимофееву, математика. Каково вспоминать, как она плакала перед двумя пятнистыми парнями, просила выпустить домой, а те поигрывали перед ней стволами Калашникова? И дикое их условие — выпустим, если дадите клятву молчать об увиденном. «Разумеется, — поторопилась Мария Ильинична, — смею вас заверить, что все останется между нами».

«Это не клятва, — сказали парни, каждый из которых годился учительнице во внуки. — Повторяйте: «Клянусь честью советского учителя...»

Мария Ильинична, учительница, повторила так, как ее обучили не-учи. Ямбург считает это издевательством. Я же добавлю: просто эти воины, даже будучи отличниками боевой и политической подготовки, не могли сообразить, что за диковинные слова говорит им эта бабуся.

Рассказать, как разворачивались события дальше? Восстановить их мне помогли и учителя, и лицеисты. Дети, например, едва завидев у дверей солдат, по-детски и обрадовались: игра! А их шуганули автоматом. Завуч по социально-педагогическим вопросам Лидия Ивановна Щипулина заигрывать с захватчиками не стала, она просто взяла да и гаркнула на них так, как ни разу не позволяла себе в отношениях с детьми — каждому свое. Представьте, автоматом ей не грозили — гневный вопль солдаты поняли сразу, так им привычнее.

Через полчаса осаду сняли, плененные учителя и дети стали приходить в себя, директор ломал голову, кому и на кого именно ему жаловаться, как в лицей снова вошли недавние гости. Товарищ старший прапорщик, объявили они, просит не сердчать за доставленное беспокойство. Товарищ старший прапорщик надеется, что его сын за отца не ответит и двойка ему выставлена не будет.

С тем и ушли.

Наутро директор принимал депутацию: командира батальона, замполита и героя вчерашнего десанта старшего прапорщика. Оба офицера сообщили, что приказа на захват лица они не отдавали и старший прапорщик действовал сдуру или спяну. Что для проведения плановых учений батальону было выдано оружие, которое он так же сдуру или спяну повернул не в ту сторону. Что же касается упоминания о войсках госбезопасности, то это еще вилами по воде писано и приказа на переподчинение их части КГБ пока вроде бы нет, хотя и поговаривают. Оба командира подытожили сказанное просьбой учесть нынешнюю сложную общественно-политическую обстановку в Москве, нервотрепку каждодневными командами «В ружье!», донимающие и их слухи о военном перевороте и посему кары для них не требовать. Старший прапорщик был краток: вроде бы вчера состоялся у них с директором мужской разговор, чего сейчас-то болтать? Они что, стрельбу там подняли? Пальцем кого тронули? Инвентарь порушили?

Вот, собственно, и все, что директор лица рассказал и мне, и приехавшей по его просьбе съемочной бригаде программы «Взгляд». Еще короче была информация Александра Политковского, которой он ошарашил телезрителей в пятницу, 12 октября.

Эта скороговорка — не только от журналистской спешки. Сколько бы ни говорил я с Ямбургом, сколько бы ни задавал ему наводящих вопросов, Евгений Александрович упрямо не называл мне фамилий ни старшего прапорщика, ни его командиров, ни учительницы, которую хотели пострелять автоматным дулом. Все просто: Евгений Александрович привержен милосердию не только в своих лекциях — в жизни. Ему страшно подумать, что может случиться с тем мальчиком, чью успева-

емоть хотели повысить грохотом солдатских сапог, коли в лицее узнают его имя. Ему жалко и его дуrolома-отца, и его замороченных командиров — армия, и только она так помutilа их разум, так изуродовала понятия о добре и зле.

В одном соглашусь с Ямбургом сразу — любое умолчание, даже иносказание сгодятся, лишь бы уберечь мальчишку от несправедного гнева так скорых на расправу сверстников. Но вот в другом, главным — что, тоже промолчим и сделаем вид, будто никакого захвата лица не было вовсе и никто не должен держать за это ответ? Да нет, Ямбург не столь любезен и к всепрощению не склонен — сам ведь он и на телевидение, и влиятельным своим друзьям звонил. Потому что был уверен: услышит страна, что сегодня, сейчас, в московский лицей ворвались вооруженные армейские штурмовики — ахнут люди и содрогнутся в гневе и изумлении! Ибо, насколько не изменяет память, конфуза такого не допускали ни жандармы ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА III Отделения, ни даже лихие чекисты всех сталинских железных наркомов, разом взятых!

Каюсь, и я здесь был грешен своей надеждой — быть скандалу вселенскому, гневу праведному, сраму наши отцы-командиры теперь не оберутся. Щелкал ручками телевизора, радиоприемника, по всем программам сессии Московского городского Совета, Российского и Союзного Верховных Советов, если не сегодня, то уж завтра непременно хоть один из сотен депутатов встанет к микрофону и учинит спрос с кого угодно — с министра обороны, с командующего Московским военным округом, с главкома сухопутных войск, с командарма или комдива, которым подчинялись осквернители лица, — ужели ничей слух не резанул грохот солдатских сапог по его коридорам, по душам его педагогов, его воспитанников? Ужели не найдут они себе заступников?

Третья неделя идет — ждать еще?

Хорошо, сам знаю войсковую часть, которая явила нам мятеж пока одной только роты. Пять цифр в ее номере говорят о том, что часть входит в состав Советской Армии. Внутренние войска и погранвойска КГБ обозначены четырьмя цифрами. Надеюсь, меня не заподозрят в разглашении военной тайны — номера войсковых частей всяк волен писать на конвертах открытой почты, а подробности эти понадобились мне потому, что захватчики лица представлялись войсками не СА, а КГБ.

Не буду, однако, спешить называть их фантазерами, и вот почему. На следующий день после программы «Взгляд», в субботу, в лицей приехали офицеры КГБ СССР. Представляю их — Юрин Сергей Сергеевич и Вдовин Владимир Анатольевич. Их действия я вправе назвать следственными — были допрошены свидетели, запись шла на видеокамеру. Один вопрос беспокоил офицеров более других: не говаривал ли кто-либо из воинов о передаче их части в ведение КГБ? Не странный ли этот интерес, не прозрачен?

Был бы рад, если бы Комиссия по вопросам обороны и государственной безопасности Верховного Совета СССР сочла все эти факты до-

стойными своего внимания и мы смогли бы понять, почему противоправные действия военнослужащих Советской Армии расследует не военная прокуратура, а КГБ. И сколь успешно продвигается это расследование.

Не будем, однако, бесстрастно ждать его результатов, да и дождемся ли? Иная мучит меня загадка, иная боль. Старший прапорщик в своем желании помочь удержаться на лицейской парте своему сыну-двоечнику был отнюдь не новатором. Давайте вспомним, сколько политических неучей спасали мы в вассальных странах от гнева их собственных народов этим же манером — грохотом танков, БТР и все тех же солдатских сапог. В 53-м году этот грохот раздался из Берлина, в 56-м — из Будапешта, в 68-м — из Праги, в 79-м — из Кабула. А в своей собственной стране — что, напомнить о Тбилиси, Степанакерте, Баку? Не сегодня, а тогда многих ли наших сограждан оскорбил, потряс, возмутил этот разгул военщины, обласканной партийными вождями?

Чего же тут удивляться, что солдатские перебежки по коридорам лица не резанули наш слух — привыкли? Оглохли? Или сегодняшнее общественное внимание больше поглощено многотысячными армейскими тусовками в Москве и Подмоскowie, нашими страхами насчет военного переворота и неуклюжими, а подчас и насмешливыми объяснениями маршалитета, что бронированные армады то примчались готовиться к параду, то копать картошку, а то и просто проводить учение за учением. Если даже мы поверим в законопослушание министра обороны, то может ли уважаемый маршал поручиться хотя бы за безупречную воинскую дисциплину каждого его полка, батальона, роты, взвода? Что какой-нибудь комполка не двинет своих молодцов штурмовать парикмахерскую, в которой дурно обошлись с его супругой? Или голубые береты не полонят приемную комиссию вуза, которая отказалась зачислить студентом дитя их командира? А если, скажем, в Академии Генерального штаба, которая, кстати, соседствует с нашим лицеем, кто-либо из слушателей завалил экзамен, а папа у него не старший прапорщик, а один из многочисленных главнокомандующих, — не зависнут ли над гигантским шестигранником академии боевые вертолеты, а в кабинет тамошнего начальника, героя Тбилиси, генерал-полковника Родионова не ворвутся лихие мстители с автоматами наперевес?

Ах, слышу я, это издевка над кузницей командных кадров, дурацкий юмор и вообще сплошное очернительство — не может, не смеет быть посему. А с лицеем, с его педагогами, с его детьми — было же! Нет уж, пусть оба могучих ведомства сколько угодно упрекают меня хоть в паникёрстве, хоть в раздувании из мухи слона, я продолжю настаивать — штурм лица вовсе не частность, вовсе не только дуроломство старшего прапорщика, которого, судя по его поспешной госпитализации, могут вообще признать без царя в голове. Если в войсковой части могут так легко вооружить взвод или роту, отдать ей самый что ни на есть безумный приказ и солдаты этот приказ выполняют столь же бездум-

но — можем ли мы быть гарантированы от мятежа или бунта по воле хотя бы того же старшего прапорщика?

Эти непривычные для нашего слуха слова «бунт» и «мятеж» я упомянул вовсе не в полемическом задоре и уж не в силу моей правовой темноты. Да, мне известно, что Уголовный кодекс РСФСР в разделе «Воинские преступления» таких понятий не приемлет вовсе. Лет этому Кодексу уже немало, и нетрудно понять, что его тогдашние составители, свято веря в нерушимое единство армии и народа, и в мыслях не допускали, что оболваненный партийными догмами и бездумным послушанием воин может сам, по своему хотению, схватить оружие и повернуть его, куда в голову придет. Вот если по воле партии и правительства — тогда это уже священный долг, святая обязанность, приказ, который, как известно, — закон для подчиненных. И за послушание этих приказов Кодекс кар перечислил сполна. Статья 238-я — «Неповиновение», статья 239-я — «Неисполнение приказа», статья 240-я — «Сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей», статья 241-я — «Угроза начальнику»...

Интересно, а если эти же начальники допускают насильственные действия по отношению к населению — хотя бы к тем же педагогам и ученикам лицей, — их преступные действия по какой статье нынешнего УК можно квалифицировать? А могли ли солдаты, участвовавшие в набеге на лицей, послушаться начальника, не рискуя тут же попасть под действие вышеперечисленных статей Кодекса, и угодить на скамью военного трибунала?

Так, может быть, реформируя наши правовые нормы, мы все же предоставим военнослужащим право не исполнять явно преступных приказов командиров, которых сейчас окружили едва не тройным заслоном защиты? И давайте откажемся наконец законодательно пресечь любую попытку человека с ружьем пользоваться им по своему усмотрению, ограждая тем самым общество от любого подобия воинского мятежа.

...Знаете, а Ямбург, директор, как всякий интеллигентный человек, зла на своих обидчиков уже не таит. Он даже не прочь помочь своим соседям из войсковой части советами своих психологов и нейропсихологов, физиологов и социологов. Для этого можно посетить его педагогический центр «Достоинство». Одна только просьба — автоматы с собой не брать и сапожищами не грохотать. Лицей все-таки.

БЕЛЫЕ ФЛАГИ

12 июля 1990 года, вечером, московская программа телевидения неожиданно прервала цветной видеоклип и одну за другой показала шесть черно-белых снимков: внимание, розыск! Найти и обезвредить

Кима Г. В., Смердова А. Г., Павлюченкова К. К., Георгиева В. С., Донца И. В., Денисова Ю. Ю. Опасные преступники сбежали из спецавтомобиля во время перевозки из Мосгорсуда в следственный изолятор № 2 — Бутырку. С оружием караула внутренних войск — 3 пистолета Макарова и 32 патрона. Обвинялись в преступлениях тяжчайших — три убийства, одиннадцать разбойных нападений, изнасилование, кражи, тяжкие телесные повреждения, сопротивление работникам милиции.

Я выслушал и не поверил. Из спецавтомобиля убежать нельзя. В обиходе его называют автозаком, или «воронком»; это маленькая тюрьма на колесах. Как в каждой тюрьме, в такой машине есть камеры, они закрыты на внутренние и навесные замки. Двери камер — стальные решетки. В тамбуре — трое часовых с пистолетами. Дверь из кузова можно открыть только снаружи. Начальник караула сидит в кабине рядом с водителем, часовые могут связаться с ним по прямому телефону. Случись что — на пульте перед начальником вспыхнет красная лампочка тревоги. Опасных преступников, как правило, возят в наручниках, иногда — в соседстве со служебной собакой. Ни отклоняться от маршрута, ни останавливаться без крайней нужды спецавтомобиль не имеет права.

Сбежишь?

И все же не буду столь категоричен. Обрести свободу пассажиры «воронка» могут, если им хорошенько подсобят сообщники с воли: подложат на дороге взрывчатку, устроят столкновение или атаку боевого вертолета, подкрепив все это гранатами, пистолетами, автоматами, — все это мы видели в кино.

Здесь же, в центре Москвы, в трех минутах езды от Садового кольца, все произошло на редкость неприметно для чужого глаза и тихо — ни взрывов, ни стрельбы, ни погони. Трудно даже сказать, что преступники сбежали — они ушли. И, как говорят в их среде, с концами.

На восьмой день после этого еженедельник МВД «Щит и меч» отдал фотографиям шестерых беглецов всю первую полосу: вооружены и очень опасны!

Что верно, то верно — людям, над которыми висит вполне реальная, обещанная законом угроза смертной казни, страшиться более нечего. Если в первые же минуты после побега им не уготовано надежное убежище, любой прохожий окажется их жертвой — три пистолета Макарова загрохочут выстрелами.

Но пока, как я догадываюсь, читатель уже терзается вопросом: что же за мудрые головы были у этих шестерых, какие золотые руки, какая такая хитрость, что так легко удалось пройти сквозь стальные решетки и железные стены неприступного автозака? Спешу разочаровать тех, кто ждет от меня образа представителя преступной элиты: хладнокровный просчет вариантов, лазерный пистолет в носке башмака, дар экстрасенса. Ничего похожего. Никто из этих уголовников, как говаривали ранее, лицезев не кончал, у каждого образование даже не повальное наше среднее — ниже. Таким я уже посвятил недавний очерк «Крыша» в «Огонь-

ке», и здесь, как и в Воронеже, я вижу нижний эшелон мафии, лапотную «пехоту». Ранее совершенные ими преступления изыскавшим злодейского почерка не отличались. Один только пример — когда грабили respectableную квартиру, прихватили из холодильника здоровый кусок мяса, да еще скверно замороженный, обляпали весь пол, и эксперты потом долго ломали головы над происхождением пятен крови — не иначе корову здесь резали. Но вот зато рост, вес, сила — убийственные в самом что ни на есть прямом смысле этого слова. Спортивные, хорошо накачанные молодые амбалы знали и боевое самбо, и дзюдо, и даже кун-фу. Жестокие, наглые, злые до иступления.

Теперь немного о карауле, который до недавнего времени назывался понятнее — конвоем. Из следственного изолятора в Мосгорсуд и обратно обвиняемых возили военнослужащие одной из столичных частей Центрального управления ВВ МВД СССР, личный состав которой только такие обязанности и выполняет. В кабине — сержант Намятов, помощник начальника караула, и ефрейтор Акчинов, водитель. В кузове — ефрейтор Данилов, рядовые Уразбеков и Рахматиласев. Каждому — 18—19 лет от роду, ростом невелики, худощавые, щуплые. Председательствовавшая в судебном заседании Г. А. Панюкова сказала мне так: «Я посмотрела на конвой — и мне стало не по себе. Нет, точнее — мне стало страшно».

Можно догадаться, что внешний вид караульных произвел на подсудимых впечатление противоположное. Я не могу и не хочу домысливать, с какой фразы, с какого жеста или поступка завязались между ними отношения столь доверительные, что оставалось едва не брататься, — спросить не у кого. Преступники, как мы уже знаем, в бегах, охранники — под следствием. Поэтому изложу только ставшие мне известными факты, не претендуя на их правовую оценку, — оставим это прокуратуре и военному трибуналу. Но перед этим попрошу читателя не повторять моей ошибки и не прерывать рассказ возгласами типа: «Не может быть!», «Как посмели?».

Было. Посмели.

6 июля, когда судебный процесс уже подвигался к финалу и помощник прокурора Москвы Г. А. Крылова набрасывала черновики обвинительной речи, заключенный Георгиев при посадке в автозак протянул сержанту Намятову полусотенную купюру и попросил согнуть за вином на дорожку. Машина остановилась в почтительном отдалении от выходящей у магазина на улице Новослободской очереди, сержант Намятов подошел к ней со своим солидным служебным портфелем и тут же убедился, насколько согражданин симпатичен воин, находящийся при оружии и при исполнении, — восемь бутылок сухого он взял немедленно. Разделили так — шесть штук гражданам подследственным, две — конвою. Освежались здесь же, в кузове спецавтомобиля, компанейски, из горла. Водитель Акчинов, как воин дисциплинированный, за рулем не пил и свою бутылку взял на потом, в казарму. Перед тюремными во-

ротами расстались дружески — арестант Павлюченков пообещал укрощенному сержанту кожаное пальто со своего плеча.

Через неделю, 11 июля, на привычном маршруте «воронок» покорно останавливается по взмаху руки жены узника Денисова. Намятов выходит из кабины, открывает двери кабины и камеры — супруги встретились наедине. Представьте себе, я знаю, о чем они говорили! И вы, читатель, тоже сейчас догадаетесь. Потому что, как и я, вспомните — побег состоялся на следующий день, 12 июля.

О том, как все это происходило, лучше говорить не мне — боюсь, что меня потянет на беллетризм, художественность, и я невольно буду украшать рассказ оборотами типа «Он сказал», «Они подумали» и тем самым превращу случившееся в залихватскую детективную историю; она, право, стоит того, но не сейчас, не время. Я возьму в соавторы ответственного сотрудника штаба Внутренних войск МВД СССР полковника В. В. Сабусова — он проводил служебное расследование по факту побега, составленное им заключение по собранным материалам я сейчас и процитирую, оно суховато, но зато бесстрастно и точно. Послушаем полковника.

«12 июля в 12 часов 10 минут после окончания судебного заседания подсудимые двумя группами (3 и 4 человека) были отконвоированы из зала суда в спецавтомобиль. Начальник судебного караула лейтенант Пильников Г. В. рассадил их по камерам, двери закрыл на замки внутренние и навесные, ключи от которых часовой в кузове автомобиля ефрейтор Данилов передал сержанту Намятову. Учитывая, что подсудимый Ким склонен к побегу и нападению, он от зала суда до СИЗО этапировался в наручники. Лейтенант Пильников отправил подсудимых, однако пометку о времени убытия в служебных документах не сделал, дежурному диспетчеру об отправке спецавтомобиля не доложил. В ходе следования подсудимые стали требовать у Данилова вызова старшего, который передал это требование Намятову. Последний остановил машину, зашел в кузов, узнал, что конвоируемые просят приобрести спиртное. Взял у Павлюченкова 75 рублей, следуя по маршруту, спрашивал у граждан местонахождение ближайшего магазина. Найдя его, Намятов вышел из машины, передал неуставленному гражданину 25 рублей. Тот приобрел на них 7 бутылок вина. Оставшиеся 50 рублей Намятов присвоил. Положив вино в служебный портфель, Намятов передал его стоявшему у машины ефрейтору Данилову. Заехав в один из дворов по улице 1-я Миусская, Намятов зашел в кузов автомобиля, удалил из него рядового Уразбекова, открыл бутылку вина и совместно с Даниловым выпил его. Затем, поочередно открывая камеры №№ 1, 2, 4, 7, передал бутылки подсудимым Павлюченкову, Денисову, Георгиеву и Донцу, при этом камеру Павлюченкова оставил открытой. После употребления вина подсудимые стали просить Намятова открыть двери других камер, и он поочередно открыл камеры №№ 3, 4, в которых находились Ким и Георгиев. Воспользовавшись полной потерей бдительности караулом,

Георгиев напал на Намятова, Ким на Данилова, отобрали у них ключи от камер, пистолеты и 24 патрона. Завладеть оружием рядового Рахматилеева подсудимые не смогли. Стоявший на посту № 2 у машины рядовой Уразбеков, услышав шум, достал пистолет, подбежал к двери, где столкнулся с подсудимым Кимом, который нанес ему несколько ударов по лицу, голове и рукам, после чего преступнику удалось отобрать у него оружие и 8 патронов. Ключами преступники открыли оставшиеся 4 камеры и совершили побег. В ходе борьбы все военнослужащие получили побои, рядовой Уразбеков госпитализирован».

Все та же просьба к читателю — повременить с недоумением, гневом, даже неверием в услышанное, разговор не закончен, моя очередь продолжать. Впрочем, на один вопрос я должен ответить сразу, он наверняка возник у тех, кто не только читал внимательно, но и столь же прилежно считал. Итак, почему я со слов и телевидения, и милицейского еженедельника вел речь о шести беглецах, а полковник Сабусов в своем официальном документе о семи? Представьте, все источники правы. В спецавтомобиле ехали действительно семеро подсудимых, семеро из него и высочили. Седьмым был Козловский, фамилия которого в розыске не упомянута по той простой причине, что с 1-й Миусской он в одиночку напрямик направился туда, куда его не довез караул при оружии, — в Бутырский СИЗО. То, как провинциал Козловский бродил по Новослободской улице, как приставал к прохожим с просьбой назвать адрес родной Бутырки, как стучался в ее кованые ворота, а его прогоняли, как, наконец, впустили и потом долго не верили в правдоподобность путаного его рассказа — все это едва ли не юмореска для Хазанова или Жванецкого. Но всем нам будет не до смеха, когда узнаем, что случилось с Козловским после возвращения в тюремные стены и что, не приведи Бог, может случиться потом. Чуть позже расскажу, а пока вернемся к опустевшему спецавтомобилю и битому его караулу. Мы помним, что в 12 часов 10 минут он отъехал от здания суда на Каланчевской улице и — растворился. Ни к СИЗО не подъехал, ни в часть не вернулся. Молчала и установленная в его кабине рация. Кто-нибудь спохватился? Никто — одна, что ли, такая машина колесит по Москве?

Три с половиной часа спустя, в 15 часов 40 минут, дежурный по контрольно-диспетчерскому пункту старший лейтенант Засядько услышал в телефонной трубке голос ефрейтора Данилова:

— У нас побег. Стоим на Бутырском валу.

И отключился — то ли боль от побоев его терзала, то ли похмелье, то ли страх.

Три недели спустя слушаю рассказ заместителя командира части подполковника А. К. Новикова:

— Я уже выезжал по другим делам, как вдруг этот звонок. Пока собирали группу розыска, помчался сам. Машину нашел быстро, около нее

стояли все пятеро часовых. На лицах, кителях, руках — кровь. Запомнилось — у каждого то ли белые солдатские платки, то ли тряпки. Я тогда еще ничего не знал — ни кого именно они конвоировали, ни сколько ушло в побег. Семеро? Семеро? Опасные? С оружием?! Хорошо, у меня тогда с собой валидол был.

Я потом долго не мог отделаться от невыдуманного этого образа: словно белые флаги, трепещут в руках у солдат, словно капитулировали они не только перед семерыми этими мордоворотами, но и перед всей уголовщиной разом. Впрочем, почему я здесь-то стесняюсь? Почему говорю это деликатное «словно»? И разве только сержант Намятов со своими подчиненными после этого побега до сих пор стоят с поднятыми вверх руками покоренных?

Вспоминаю мою первую встречу с Г. А. Панюковой, председательствовавший в судебном заседании по делу этой «великолепной семерки». У Галины Андреевны времени сейчас много — какой уж тут суд без подсудимых? Но вот разговаривать со мной она не хочет, причину объясняет не сразу — не по себе ей, неловко.

— Как они вели себя на заседаниях? — спрашиваю.

— Не будем об этом, хорошо? — просит Галина Андреевна.

— Были случаи неуважения к суду?

— Вы правда не понимаете? — грустнеет она. — Я вам скажу, допустим, что такие случаи были, а вы спросите, кто именно из подсудимых их допускал? Я назову, вы напечатаете, а они меня...

И тут Галина не выдержала, сорвалась маленько, раскраснелась и стала быстро говорить мне о том, что все полтора месяца процесса знала, предчувствовала — с хилым таким конвоем, при странных солдатах, с усмешечками подсудимых — беды не миновать, твердила об этом лейтенанту, а он и ухом не повел, а теперь вот доулыбались, достукались, который уже день вся милиция, все войсковики подняты на ноги — что, взяли? А она просто женщина, у нее ребенок, она не владеет разными там кун-фу, ей не положен пистолет Макарова, она просто не открывает никому дома и ходит по улице с оглядкой.

— Тома уголовного дела в здании суда сохранить не могут, — усмехнулась она. — Взгляните — у меня и сейф, и стол пустые, все до последней бумажки увезли. Не надо мне было с вами встречаться, наверняка узнают.

Граждане убийцы, грабители, насильники, поименованные выше, поверьте, член Московского городского суда Г. А. Панюкова не сказала ни об одном из вас ни одного дурного слова, не пожаловалась даже, как вы над ней измывались все полтора месяца процесса, каково было ей и государственному обвинителю Галине Анатольевне Крыловой, двум женщинам, слушать от вас, семерых бугаев, все те угрозы, которые вы каждодневно им сулили.

— Крылову вы тоже не найдете, — сказала Галина Андреевна, про-

щаяся, — ее увезли, спрятали. Как и все наши бумажки. А свидетели, потерпевшие — те уж сами разбежались.

Уже видите, как положится над Мосгорсудом белый флаг?

А над следственным изолятором № 2, над Бутыркой? Почему не идете к флагштоку вы, товарищи дежурные помощники начальника и их заместители, оперуполномоченные и контролеры? Придется помочь вам вопросами, которые, впрочем, вы и сами должны были себе задать. Ну, например, каким это образом 6 и 11 июля вы как ни в чем не бывало приняли, обыскали и рассадили по камерам семерых ваших подопечных пьяненькими? Не заметили, как теперь утверждают? А теперь я попрошу вас всмотреться в портреты бежавших, которые уже не раз мелькали в газетах, — узнаете кого-нибудь? Правильно, с трудом. А Павлюченков, Георгиев, Смердов вообще на себя не похожи по той простой причине, что в начале июля их вдруг взяли, да и постригли. Все трое лишились пышных своих шевелюр, а Смердов и Георгиев остались без бород и усов. Ужели надо напоминать, что заключенные под стражу вплоть до оглашения приговора должны сохранять ту свою внешность, которую запечатлел тюремный фотограф в день водворения за решетку? Полагаю, что все трое теперь вам благодарны искренне и от души — милицейские подразделения страны получили фотографии, которые ничего общего с оригиналом не имеют, ищи не ищи.

А как работники СИЗО объяснят тот курьез, что 12 июня подследственный Смердов появился в зале суда без штанов? Кто это так откровенно помог ему ко многим способам срывать судебное заседание добавит еще один?

Начальник отдела следственных изоляторов и тюрем МВД СССР В. А. Викулов в голоштанного заключенного не поверил: «Это у судейских галлюцинации». Специально для Виктора Александровича отыскал примечательный документ, присланный в Мосгорсуд: «12 июня с.г. заключенный Смердов вышел из камеры в чужих вещах. В связи с этим чужие вещи у заключенного были изъяты, и ему был выдан комплект казенной одежды, о чем было известно начальнику конвоя. Но заключенный Смердов, видимо, демонстративно снял с себя казенную одежду перед посадкой в автозак. Заместитель дежурного помощника начальника СИЗО (подпись неразборчива)».

Вот так: хотя стричься — стригутся, хотя спокойно улечься на нары под винными парами — укладываются, хотя приехать в суд без штанов — приезжают без штанов.

И последний вопрос к руководителям Бутырки: не задело их профессиональную гордость то, что им не доверили держать в прочных своих казематах того самого Козловского, который один не ударился в бег, а явилась с повинной? Как объяснил мне заместитель начальника ГУВД Москвы генерал Л. П. Бельянский, воровские законы суровы, от-

ступнику может быть худо, причем даже очень, и поэтому решено из ненадежной Бутырки его забрать и спрятать понадежнее. Что правда, то правда — суров воровской закон, хочешь не хочешь, а исполняй.

ЧП, о котором мы ведем речь, настолько невероятно, немыслимо, дико, что тут как тут появляется знакомый соблазн: может быть, оно единично? Уникально? И вообще нехарактерно на фоне общей отрадной картины с охраной и конвоированием подследственных и осужденных?

— Нет, — решительно отрезал начальник Политического управления Внутренних войск МВД СССР генерал-майор А. И. Гриенко. — В этом побеге вся наша беспомощность, все наше разгильдяйство и безответственность.

Прежде чем генерал продолжит, признаюсь: не вполне рассчитывая на откровенность моего высокого собеседника, я освежил в памяти факты, характеризующие службу конвойных частей ВВ отнюдь не лучшим образом. Так вот, Александр Иванович не только подтвердил то, что мне уже было известно, но и значительно пополнил мое досье. Не думаю, что мой рассказ станет интереснее и доказательнее, если я пополнию его перечнем всех бед, случившихся в этих войсках: побеги заключенных, гибель военнослужащих, самовольный уход караула с оружием. Важнее другое: горькая убежденность в том, что конвойная служба, которой мы доверяем охрану преступников, а следовательно, и нашу безопасность, ни того, ни другого в полной мере обеспечить сегодня не может. Я более чем уверен: общество обделяет этот род войск своим вниманием прежде всего потому, что не вполне отдает себе отчет в том, насколько личное благополучие каждого из сограждан зависит от добросовестности, порядочности и профессионализма солдата, чьи погоны украшены буквами ВВ. И, напротив, если эти погоны носят такие оборотни, как сержант Намятов и его подчиненные, беспокойство наше не утихнет все то время, пока на свободе будут разгуливать шестеро упущенных ими уголовников.

В конвойных частях Внутренних войск проходят срочную службу те, кого туда определили военкоматы после того, как укомплектовали флот, авиацию, десантные и ракетные части. Знакомый нам остаточный принцип. И здоровьем ребята не богатыри, и воспитание в отрочестве не ахти. Но кто бы ни надел крапчатые погоны ВВ — получай автомат или пистолет и ступай охранять преступников. Два года взаимного общения и взаимного же влияния друг на друга.

Теперь, когда мы хоть немного знаем, с кем предстоит знакомиться, пройдем через КПП той части, которая теперь печально знаменита в войсках недавним ЧП.

Часть как часть: прочный забор с часовыми, бюсты Маркса и Ленина унылого больничного цвета, строй солдат в столовую, строй в оружейную комнату, строй в магазин, строй в казарму, руки по швам, подбо-

родок кверху, поворот головы направо — приветствуем начштаба, комбата, ротного, взводного, равняемся на Знамя — скованные одной цепью. И думается, какие бы гневные слова я ни обрушивал на продавшихся часовых, как бы ни корил их за жадность, скудоумие, нравственное убожество, весь этот негатив маловат для объяснения случившегося. Все, что натворил караул Намятова за долгие дни братания с уголовниками, похоже скорее на действия нечистых на руку шабашников на вольном подряде, но уж никак не военнотружеников, обязанных жить всегда с оглядкой, всегда с ощущением подневольности и поднадзорности каждого своего шага. Ну хорошо, положим, поначалу их бес попутал, хлебнули винца на воровские деньги, а в часть-то как возвращаться с обалдевшими взглядами и запашком? Как Намятову отпартировать о прибытии дежурному диспетчеру, как каждому сдать в оружейку пистолет и запасную обойму с патронами и кобурой, как пройти мимо дневального, командиров роты и взвода, как не напороться на высоких офицеров из центрального управления ВВ МВД СССР, расположившегося в этом же военном городке, — неужели никто не учует, не заметит, не поставит по стойке «смирно!», не учинит разноса? Не один ведь раз возвращались не только в подпитии, но и привозили с собой бутылки — куда, в казарму, в столовую?

Выше, если помните, я такие же упреки адресовал руководителям Бутырки — ужели в войсковой части порядка должно быть меньше? На правах вашего недавнего коллеги, товарищи офицеры, уже не доклад — объяснений прошу. С помощью уже знакомого нам заместителя командира части подполковника Новикова созываю собеседников к нему в кабинет.

- Командир батальона?
- В госпитале.
- Замполит?
- В отпуске.
- Начальник штаба?
- На учебных сборах.
- Командир роты?
- Отпуск!
- Командир взвода?
- Ищем — вакансия.

Я уточнил: никого из этих командиров не было в части и в день побега, и гораздо раньше. От кого было Намятову ждать приказов и указаний, кого страшиться? Да и сам этот сержант — кто, когда назначал его на должность помощника начальника караула, если приказа по части на этот счет не существует вовсе? Попробуйте-ка теперь предъявить ему претензии как должностному лицу, да еще на заседании трибунала! А когда станут выяснять, как это удалось командиру-неформалу сколотить свой караул столь послушными часовыми, пусть не терзают зря ни

комбата, ни ротного — эти обязанности здесь возложили на писаря роты. Кого попросят — того и запишет. Был, к примеру, в этом же карауле сначала рядовой Ларионов — век бы Намятову не видать такого часового, такого пайнку. У барьера судейской скамьи с подсудимых глаз не сводит, на их улыбки ноль внимания, а дельный разговор начнется, едва не в крик: «Прекратить!» Намятову такое прилежание обрыдло, он попросил писаря рядового Ларионова из списков вычеркнуть, а рядового Рахматилеева вписать — тот хотя бы по-русски только команды понимает.

Историю с Ларионовым я припас для тех читателей, которые после моего рассказа уже изготовились к обобщениям: «Все они там такие!» Разумеется, не все, и я мог бы назвать еще немало его однополчан, которые верны и присяге, и собственным понятиям о человеческой честности. Но, коли мы говорим о воинском коллективе, будем помнить, что он крепок не только личной порядочностью солдата. В самом деле, что изменилось после негромкого бунта Ларионова? Ничего. Потому что во всякой армии течение будней подчинено только приказу, только указующему слову офицера. А к кому мог обратиться Ларионов? К комбату майору Лукашеву, пока тот не слег в госпиталь? Сомневаюсь — всем было известно, что майор не только горласт, хмур и недоступен, но и не далее как в июне схлопотал взыскание «за физическое оскорбление подчиненных». Пойдешь к такому открывать душу? Станешь со своего солдатского шестка обличать безобразия в несении службы, если, а это знает каждый, за весь нынешний год командование не проверило ни один судебный караул? Уверен, не только солдаты, но и офицеры в этой части будут помалкивать. Дважды — в апреле и в июне — здесь работали комиссии Центрального управления ВВ. Чего добились возглавлявшие ее генералы и полковники? Ничего. Как не хватало в части офицеров и прапорщиков, так и не хватает. Как ездили караулы по маршрутам сами по себе, так и ездят. И пьют здесь так же, и в самоволки так же бегают, и с уголовниками все так же вступают в отношения отнюдь не служебные.

Громкое это ЧП обсуждали на военном совете Внутренних войск. Как можно было предположить заранее, наказания раздали щедро и строго, командир части и его замполит сняты с должностей. В решении все те же знакомые фразы — «усилить», «повысить», «обязать». И я, видимо, вообще не обмолвился бы об этом заседании, если бы не вспыхнувшая на нем полемика: а что если в известной нам конвойной части ввести службу по контракту? Заменить солдат срочной службы профессионалами? Как известно, новый Закон об обязанностях и правах Внутренних войск эту возможность предусматривает. За чем же остановка? Не побывай я до этого в части, не всмотрись пристальнее в подробности солдатской жизни и быта, так и продолжал бы отстаивать давнюю свою идею, о которой уже писал в «Огоньке» в начале года: да, нужен найм, нужны профессионалы. Теперь говорю и себе, и всем мно-

гочисленным моим единомышленникам: мы наивны и несведущи. Мы подумали о том, какое жилье мы предложим откликнувшемуся на наш призыв молодому человеку? И какие слова он нам скажет в ответ, когда увидит казарму, построенную в 1932 году и с тех пор капитально не отремонтированную? Казарму, в которой ходуном ходят полы, протекают и валятся стены и потолки, где сутками придется дышать сыростью и гнилью? Где холод зимой и жаркая духота летом? Куда придется возвращаться после часов стояния у барьера скамьи подсудимых, после их матюгов, их рассказов об убийствах, изнасилованиях, пытках, после напряженных ожиданий постоянной опасности, после тряски в полутемном спецавтомobile? И за все это — триста «деревянных» рублей?

Мы, мнящие себя новаторами, забыли разве, в какой бедняцкой стране собираемся испробовать свои реформистские идеи по переустройству армии? Не догадались, что, согласившись на такой эксперимент во Внутренних войсках и обещая распространить его на воздушно-десантные части, наши полководцы были уже заранее уверены в его провале и нашем посрамлении? Они-то уж досконально знали, какие казармы будут ждать поверивших нашим посулам добровольцев, какая зарплата им светит. Уж на что благоустроена, вылизана парадная наша дивизия имени Дзержинского, уж как прославлен и в фильмах, и даже в нашем журнале знаменитый ее спецназ, а ведь и туда не наберут пока людей даже для одной только роты! Нужно туда 90 парней, а в наличии — 43.

Поэтому не будем пока спешить с новациями — будем думать о том, как помочь тем, кто уже служит и будет еще служить в знакомой нам конвойной части ВВ. Я не так наивен, чтобы раздавать советы по приведению в приличествующий вид боевой службы личного состава, — доверюсь в этом командованию войск, тем более что урок ему преподнесен достаточно горький. Боюсь, однако, что этого мало, а перед другими вопросами спасуют и командующий, и министр. Вот только один — о нем постараюсь говорить громче. Никогда не думал, что солдатский котелок окажется столь скучным — видимо, потому, что случалось до этого кормиться в таких же частях далеко от Москвы, где были и свои огороды, и даже свои свинарники. Здесь же на ужин повар плеснул мне полчепака какой-то рыжей бурды и плюхнул в нее крохотный кусочек костлявой рыбы. Как-никак, я был гость, да еще с диктофоном в руках, дежурный офицер беспокоился моим потрясением, пригласил дежурного врача, та добросовестно лизнула поданную ей кашку, куснула рыбу, проверила накладные, раскладку и заявила, что — цитирую: «Пища приготовлена согласно положенности». А я смотрел, как выскребали свои котелки вернувшиеся после отсидки в спецмашинах и спецвагонах солдаты, и раздумывал, что реальнее: попросить Верховный Совет увеличить военный бюджет или сократить в нем расходы на маршальские дачи, персональные самолеты, вертолеты, автомобили и вообще количество сияющих эполет? Может, наскреем тогда денюжат, чтобы кормить наших мальчишек не согласно немислимой этой «положенности», а хо-

тя бы согласно здравому смыслу? А денежное содержание в размере семи рублей с полтиной в месяц — эта сумма на кого, на что рассчитана?

Начав эти подсчеты, не могу уже остановиться. Вот еще один: прикинул кто-нибудь, в какую кругленькую сумму обошлась розыску поимка семи преступников в тот первый раз, перед процессом? Сколько потрачено зарплаты, командировочных, сколько сожжено керосина самолетами, бензина — автомобилями, чтобы, помотавшись по множеству городов страны, арестовать наконец всю эту свору аж в Волгоградской области? А труд следователей, экспертов, прокуроров, судей, адвокатов — он в какую цену обошелся? А сыск по новому кругу, уже сейчас, после побега?

В самом деле, что принято у нас считать конечным результатом в борьбе с преступностью? Поимку преступников. Вспомните, чем, как правило, заканчиваются репортажи об удачных милицеских операциях или сообщения на брифингах в МВД? Одним и тем же: арестованы! Как ошибется тот, кто уже на этом этапе вознамерится праздновать победу! Опытный же уголовник в той же ситуации никогда не скажет, что его песенка спета. Уж он-то знает, что после санкции прокурора на арест предстоит сидеть в следственном изоляторе, который отнюдь не всегда изолирует его от оставшихся на воле соратников. Он знает и то, что в суд и из суда его будут возить несмышленные, не шибко сытые и вчистую обделенные жалованием солдаты — с ними ли не рискнуть, не попытать удачи? Думается, я не слишком уж фантазирую: для семерых наших знакомцев эта удача выпала сполна.

Еще раз считаю и еще раз убеждаюсь: вполне заслуженно подняв оклады розысникам, отдав им все лучшее из транспорта, оружия, техники, руководители МВД при дележе возросших своих ассигнований весьма непредусмотрительно и, как мы убедились, опасно сэкономили на работниках СИЗО и конвое. Результат налицо: тюремные стены преподнесли нам бунты, конвой — побеги.

Скупой платит дважды.

В конце июля, когда я пишу эти строки, розыск беглецов продолжается. Им руководит штаб, который возглавляет заместитель начальника ГУВД Мосгорисполкома А. П. Бугаев. Он сказал:

— Делаем все возможное, но результатов нет.

Боюсь, что и здесь придется выбрасывать белый флаг.

ВСЕСОЮЗНЫЙ РОЗЫСК

Теперь можно признаться: публикуя в «Огоньке» свою статью «Белые флаги» (лето 1990 года, номер тридцать третий), я уже тогда был уверен, что и к ее теме, и к ее персонажам мне непременно придется вернуться. Если помните, многие вопросы остались у меня без ответа, и среди них главный — поймал ли шестерых опасных преступников, сбжавших в центре Москвы из автозака с тремя пистолетами Макарова? Их фото-

графии были не только в журнале, на сотнях, если не тысячах листовок, расклеенных у зданий милиции, в аэропортах, вокзалах, — Ким, Денисов, Донец, Георгиев, Смердов, Павлюченков.

С оканного того дня, 12 июля, как в воду канули. Поймают? Когда же, когда? Так меня спрашивали читатели, с каждым днем все чаще, все тревожнее. Их можно понять — кто знал, кому уготована пуля из тех 32 патронов, которые у солдат конвоя прихватили бежавшие?

Общая наша тревога могла быть меньше, если бы мы тогда знали, что двое преступников пойманы уже 28 июля, на семнадцатый день после побега. Но сообщение об этом ГУВД Москвы задержало до середины августа, да и слишком оно было скучным, безликим. Почему выжидали, кто именно схвачен, в Москве ли, было ли взято у них оружие — молчок. Что ж, все это можно понять — идет розыск, не до откровений.

Через несколько дней в эфире снова знакомый генерал-майор милиции Бугаев: три тысячи рублей награды тому, кто хоть наведет на след беглецов. Посулы для нас неслыханные, непривычный к ним читатель ахает и спрашивает меня уже совсем сердито: что, совсем оплошала наша милиция, все так и сидит под белыми флагами, а неотловленные четверо бандитов поди кайф ловят да новые злодеяства измышляют?

И правда, прошел уже август, за ним сентябрь, а с Петровки, 38, хотя бы словечко надежды: весь, мол, личный состав на ноги подняли, ночи не спим, всю страну исколесили, уже по верному следу идем!

Что за мука была мне в те дни отмалчиваться вместе с милицейскими генералами — не время еще было ни защищаться от этих укоров, ни оправдываться, ни хотя бы уголок приоткрывать над работой, имя которой — розыск.

И только тогда, когда сыщики действительно отбегались, отъездились, отлетались, отмучались от промашек, проколов, просчетов, вовсе не киношных бессонницы, голодухи, занемевших от тяжести пистолета рук и торса, стянутого бронежилетом, когда откричались в рации и телефоны, когда рядовые, сержанты, старлеи и полковники, пришедшие из розыска, получили от начальства щедрые двое вольных суток, тогда только в последний день сентября снова появился на телеэкранах неулыбчивый генерал Бугаев и рассказал нам обо всем этом так:

— Как известно, в конце июля в городе Москве были задержаны двое из бежавших преступников — Георгиев и Денисов. 25 сентября в 14 часов 25 минут в девяти километрах от города Фрунзе в одном из поселков был арестован Донец. 26 сентября в 22 часа 15 минут в частном доме неподалеку от Фрунзе задержан Смердов. 27 числа в 6 часов 45 минут в 150 километрах от Фрунзе задержан Ким. Розыск последнего из бежавших — Павлюченкова — продолжается.

Заместитель начальника ГУВД Мосгорисполкома генерал-майор милиции Бугаев Алексей Прохорович все эти дни, недели, месяцы возглавлял объединенный штаб розыска. Ему подчинялись оперативные работники МВД и КГБ СССР, Главного управления командующего внутрен-

ними войсками МВД СССР. Телефоны штаба были известны многим, их не раз печатали в газетах, объявляли по радио и телевидению. Раз я позвонил по всем трем телефонам поздней ночью — ответили немедленно. Потом узнал, что звонков была уйма, но все пустые, зряшные. Значить это могло только одно: ушли на дно, оглядываются, осторожничают. И то благо, авось не затрещат их пистолеты, не заработают их ножи и кулачищи.

Все время, пока шел розыск, гадал, прикидывал: кто первым выйдет на след, кому повезет? Вспоминал знакомых еще по прошлым годам сыщиков МУРа, оперов из РУВД и отделений — им? Или безвестному пока гаишнику? Или участковому? Или милиционеру из полка патрульно-постовой службы?

Не отгадал не только фамилии — ведомства. Потому что оперативнорозыскную группу при штабе генерала Бугаева возглавлял офицер не милиции, не госбезопасности, а внутренних войск. Представляю его по всей уставной форме: начальник службы розыска Главного управления командующего внутренними войсками МВД СССР полковник Удинцев Анатолий Николаевич. Славно над ним поработала матушка природа — в свои сорок пять годков выглядит едва не тридцатилетним, ростом и статью не обижен, не просто обаятелен — красив. Проще было бы дать фотографию полковника, пусть бы она висела у девочек на стенах общежитий, но воспротивилась не жена его, Татьяна Константиновна, — начальство: «Он лично двести бандитов взял, понимаете? И еще возьмет. Побережете?»

Сам Удинцев бережет себя согласно инструкциям — во время операций носит бронежилет, когда легкий, когда тяжелый, пистолет пристрелян, приложен на пояс так, что в никакой рукопашке его не выбить, ухарство и бесшабашность в задержаниях искренне презирает. И не бережет — как начальник службы, числом немалой, мог бы сам в схватки не лезть, но лезет непременно. Стоял под ножами, пистолетами, автоматами — пронесило, везло. В болоте тонул — вылез, в тайге замерзал — выполз. Секрет здесь не только в силе, не только в лишь ему знакомых приемах, не в везении даже. Полковник не только сыщик от Бога, умница он, светлая голова. Назовите мне хоть одного военного розысника, у которого лично, а не в соавторстве и не в литзаписи есть изданные рассказы, очерки, повесть — нет таких, одного только Удинцева и знаю теперь. И не корите меня за длинноты этой характеристики, за томления читателя, ждущего детектива, — не узнаем мы хоть чуток этого полковника, так ведь и не поймем потом, как удалось ему пристегнуть наручники Денисову, Георгиеву, Донцу, Киму.

Но до этого пристегивания еще ох как далеко было в те летние дни, когда шестерка беглецов как в воду канула, а полковник Удинцев, чертыхаясь, читал в «Огоньке» «Белые флаги» — вот уж позорища хлебнули от своих же солдат с сержантами, отмыться бы поскорее, сами упустили — сами и найдем.

Дальнейший рассказ я смело мог бы доверить Удинцеву, слог и язык у него блестящи, но боюсь, что сам он при этом уйдет в сторону и главным действующим лицом уже никак не будет. Поэтому попрошу Анатолия Николаевича быть нашим консультантом, каждый из 78 дней розыска памятен ему крепко.

Первое, что мне хотелось узнать: надежно ли захлопнулись ворота Москвы перед шестеркой бежавших? Услышал то, что и ожидал, — редкие и чаще всего скверно обученные постовые милиционеры, еще более редкие и вконец замороченные участковые помощи розыску не оказали, и четверо — Ким, Донец, Смердов и Павлюченков — сквозь редкие милицейские силки прошмыгнули незамеченными. Да и глупо было надеяться, что столь опытные преступники будут выбираться из города поездом или, что уж вовсе очевидно, самолетом. Эти варианты Удинцев просчитал сразу и, как видим, безошибочно. Как просчитывал — рассказать можно. Первым делом он с каждым из них познакомился заочно, да так глубоко, что, встретиться лицом к лицу, не только бы не обознался, но и смог бы повести при случае разговор и о семьях, и о пристрастиях, и даже о хвораях каждого. Все эти подробности Удинцев выудил из уголовных и судебных дел, которые прочел досконально.

Итак, кто же они, эти шестеро, кто собрал, сбил их в банду — удачливую, грозную, злобную? Однозначно: Ким Георгий Васильевич, кличка — Банзай. Недавнее прошлое — прапорщик Советской Армии, служил комендантом гауптвахты. «Представляете, что за режим был на этой гауптвахте? — комментирует Удинцев. — И каким славным комендантом он был для командиров, каким дьяволом для проштрафившихся солдат? Аттестовали его — хоть медаль выдавай». А что — не курит, на игле не сидит, почти трезвенник. Двое детей, жена. «Вот уж бедолага, — снова вмешивается Удинцев, — ни-че-го не знала! Славная, милая женщина». А вот уже и Кима почти жалеет — тот и неглупый, и волевой, и не труслив вовсе. Однажды вышла у него разборка с люберецкими уголовниками — один восьмерых разбросал. И он же, Ким, жестокий, жадный, ненавидящий и врагов, и своих же сообщников. Брать его надо в наручники, под пистолетным дулом держать, а тогда уже и в глаза посмотреть — что, Банзай, кто теперь с белым флагом?

С кем же теперь Ким в бегах? Скорее всего с земляками из Киргизии — Смердовым и Донцом. Тогда в Москве — Георгиев и Денисов? Все пятеро не раз судимы, наркоманы со стажем, над четверыми зависла высшая мера, терять нечего. Где же они, где? По две, по три смены работали на ЭВМ операторы, просчитывали варианты, рожденные фантазией Удинцева. В Волгограде? В Астрахани? В Гурьеве? Во Фрунзе? Опергруппы, на выезд!

Каждый день Удинцев умолял дежурных по штабу: ребята, внимательнее смотрите все сводки всех преступлений по стране, примеряйте их к Киму — похоже? Нет?

15 июля — не забыть теперь Удинцеву этого дня! — глянул он сводку и замер: они! Между Рязанью и Пензой двое с пистолетом остано-

вили автомобиль «Жигули», вышвырнули водителя и умчались. Чудом человек остался жив, глянул на фотографии — Ким и Донец? Прошла-пили, упустили...

Через десять дней, 25 июля, подошел к Удинцеву Белов Алексей Яковлевич, замначальника 4-го отдела МУРа, майор милиции. Улыбается: а не пора ли нам Денисова повязать? Вроде бы его люди в один дом зачастили, глянем?

На этот дом, где мог быть Денисов, глядели они ровно трое суток — полковник Удинцев и майор милиции Белов. Я спросил: что, помоложе ребят не нашлось? Удинцев насупился: я сам должен был брать. Первого — сам. Потом рассмеялся:

— Вы кого-нибудь хоть час на одном месте ждали? А мы с Беловым трое суток то в одном подъезде, то в другом. Только бы не зевнуть, только бы засечь наверняка. На второй день отлегло немного от сердца — точно, Денисов Юра вышел, по сторонам оглянулся и обратно. Я вызвал ОМОН — будем брать. К ночи прислали пятерых — ребяташки молодые, крепкие. У них задача одна: шагнуть на первый выстрел, мы — сзади. Пресса их как называет — каратели, громилы, сатрапы. Политики напорчат, а им отдуваться, причем при всем честном народе. А вот другая их служба — шагать в легоньких своих жилетах под очереди или выстрелы, эта служба чаще по ночам, ее и не видит никто. Сколько я на захват ходил — всегда с ОМОНОм, всегда их помню добром, не подвели никогда. Так и здесь. Квартира, где отлеживался Денисов, — на седьмом этаже пятинадцатизажки. Решаем: двое бойцов пробраются на балкон, оттуда в комнаты, а мы уже с тремя остальными в эту же секунду высаживаем входную дверь. В такой ситуации всегда действу жестко, дерзко, иначе — быть крови, беде. И еще: никогда не лезь, если не знаешь твердо, что в квартире нет женщин или детей, — азбука.

Четыре часа утра, готовность полная, голос по рации: «Мы на балконе». Пошли! Что же это за дверь окаянная, трое на нее навалились, молотком бьют, не поддается, а там ребята без прикрытия, живые мишени, еще рывок, все разом.

— Денисов, оружие где? Георгиев где? Ким?

Как ведут себя киношные сыщики сразу после того, как после бессонных погонь повяжут бандита? Первый вариант — усталые, но довольные идут они по улицам просыпающегося города навстречу спешащим на работу труженикам. Второй — умаявшись, мгновенно засыпают, приклонив голову либо на рабочий стол, либо на плечо любимой. Удинцев сначала Денисова привез на служебном «Жигуле» на Петровку, потом расспросил и допросил, потом дождался, пока того заберет конвой, и сел писать. Рапорты, докладные, протоколы, акты, ориентировки. Доложил одному генералу, другому. А потом, когда уже шел день, приехал домой и лег отсыпаться. Благо, что сын Алеша ушел в институт, дочка Наташа — в школу, а Татьяна Константиновна — на работу. Я спро-

сил Анатолия Николаевича, снится ли ему что-нибудь после таких передраг. «А как же! — ответил он. — Розыск!»

Удинцев не раз предлагал мне такой нехитрый образ своих сыщических фантазий — когда включаешь телевизор, особенно старый, ламповый, экран его долго остается темным, и лишь постепенно размытые контуры превращаются в яркую картину. Когда вышли на Денисова — экран этот светился, когда допросили и отправили в камеру — погас. Ничего, никого не дал им Денисов, и Удинцев верил — не знает. После побега тот отсиделся на каком-то чердаке все в том же центре города, на другой день вечером вышел, пересек в другой район, тоже отсиделся, нашел редкую теперь пивную, в ней пьянчужку — что за проблемы при деньгах-то? И снова Удинцев помянул недобрым словом ослепших контролеров Бутырки: уму ведь непостижимо, что преступники сидят у них при деньгах, да еще немалых.

А потом придуманный Удинцевым экран стал снова подрагивать, светлеть, и появились на нем картинки одна занятнее другой. Сначала район Москвы, где мог быть Георгиев, — две судимости, наркоман, рост 198 сантиметров, весь в татуировках, молчальник. Район прочесал, и на своем экране увидел Удинцев дом и в нем квартиру на седьмом этаже, но без балкона — как брать-то?

Взяли. Опять на плечах омоновцев, опять были темень, грохот, крики и та же мысль — только бы не выстрел, только бы не кровь. Когда уложили Георгиева на пол, лицом вниз, и сели на диван перекурить, Белов спросил Удинцева: «Толя, ты хоть раз в жизни в такой квартире бывал?»

Анатолий Николаевич — прозаик и стихотворец, вспоминая ту ночь, не может найти слов для живописания потрясшей Белова квартиры. «Нечто!» — картинно разводит он руками и прикрывает глаза.

И сразу жестко, с нарочитой грубоватостью:

— Разговоры о миллионных воровских общаках, об автомобилях иномарок, своих квартирах, радиостанциях и рациях не миф, не блеф, не слухи. Это правда. Чтобы надежно спрятать банду Банзая, уголовные авторитеты выделили десятки тысяч. Их собирались снабжать всем — деньгами, женщинами, кормежкой и питьем, наркотиками, отогреть с полгода, а потом использовать как ликвидаторов. Понятно, о чем речь? На той квартире, где брали Георгиева, я оставил засаду — клюну-ли! Еще бы час — и спрятали бы его надежнее.

Уже двое беглых были на счету Удинцева — где еще четверо? Где Ким? В кассах Аэрофлота его офицеров знали уже в лицо — не шесть городов, что они объездили. Потом, когда все было конечно, подумалось: ведь не в шапках-невидимках ходили и Ким, и его сообщники по городам и поселкам, в каждом из которых милиция имела и их фотографии, и подробные ориентировки. Почему же почти за два месяца блужданий никто из бежавших не наткнулся ни на одного милиционера?

Удинцева моя наивность умиляет:

— С какой стати милиция, скажем, Воронежа или Волгограда будет ловить побегушника из Москвы? У нее на своих бандитов сил не хватает. Вот если бы тот же Ким или Смердов во время своих странствий воровали бы, грабили, убивали, тогда бы для местной милиции они были бы с в о и м и преступниками, и занялись бы ими серьезнее. Да и кому ловить, кто владеет сейчас личным сыском — единицы. И пусть ребята не обижаются, но если в ориентировке сказано, что искать надо вооруженных, опасных преступников, — мало найдешь охотников. Подставлять свою голову под пули за 200—250 рублей, да еще не быть уверенным, что в случае ранения и инвалидности о тебе позаботятся? А, упаси Бог, убьют, то семью обеспечат? Да будь наш министр хоть трижды милосерден и добр — кто, какой закон позволит ему помочь пострадавшим своим работникам?

Я кивал, поддакивал Удинцеву, а на языке все вертелся вопрос: а он-то что, тысячи получает? Заговорен от пуль и ножей? И не только он — вся его служба розыска, что, все сплошь романтики? А он так и понял, ответил, глядя мне в глаза:

— Мы войска. Мы военный розыск.

Минуту спустя:

— Пишите проще — фанатики. Психи.

Я уже знал: когда Удинцев издал одну за другой две книги, его пригласили в военный журнал, где и папаху сулили, и, помимо оклада, гонорары, да и служба с девяти до шести, а он возьми и откажись. Не фанатик? Не романтик?

10 сентября ему позвонили из Фрунзе его люди — по всему выходит, что Смердов здесь. 12-го Удинцев вылетел. С ним были те, кто уже не раз бывал в таких передрягах, — Куртов Михаил Николаевич, старший оперуполномоченный оперативно-розыскного отдела ГУВД Москвы, и Высоцкий Валерий Львович, оперуполномоченный 4-го отдела МУРа. И еще трое офицеров из его службы — знакомить с ними он пока никого не хочет.

Во Фрунзе Удинцев летел с тяжелым сердцем, с невеселыми думами. Кто ему там поможет, кто даст машины, рации, людей, когда и МВД, и КГБ республики по уши заняты событиями в Оше, до гостей ли им? Попробуй без транспорта и провожатого сунуться в поселки, на плантации, особенно опийного мака? Все будет — суматоха, беготня, недосып, стрельба — результата не будет. Кима не будет, не достанут они его одни.

Ошибся Удинцев, зряшными оказались его тревоги. Сейчас он едва не стихами говорит и о министре внутренних дел Киргизии генерал-майоре Гончарове, и о председателе КГБ республики генерал-майоре Асанкулове — первый дал новейшую «Волгу» с рацией, второй — толковых оперов — подполковников ГБ Нефедова и Сулейма-

нова. Но больше всего комплиментов расточает Удинцев Вячеславу Геннадьевичу Соковых. Он водитель той самой «Волги», старшина милиции.

Но пока ни он, ни его машина Удинцеву не понадобились. Первые дни во Фрунзе были для него необычными, а для его помощников и вовсе странными — Анатолий Николаевич изо дня в день в одиночку ходил в гости, сидел там часами и, как сам признавался, пил с хозяевами чай и говорил, говорил. Это был дом одного из беглецов — Смердова Андрея, кличка Дух, злодейств на его совести меньше других, а потому и наказание может быть мягче. Семья — мать, отец, жена, брат, — по мнению Удинцева, люди не просто хорошие — славные. Просьба у гостя была одна — пусть Андрей придет с повинной. Он где-то здесь, рядом, пара-тройка дней, и мы возьмем его, а это не только добавка срока, это могут быть пули, стрельба, смерть, а парню еще до тридцати далеко, он вовсе еще не пропащий, давайте поможем ему, давайте спасем — так говорил им он, начальник службы розыска внутренних войск, полковник.

— Вы его подстрелите, — отвечали.

— Сделаем так — пусть Андрей придет в кафе, в ресторан, в любое людное место, там-то нас чего бояться? Или, хотите, возьму на свою ответственность — пусть приходит в дом, побудет с вами сутки, потом сдаст. Решайте же, думайте!

На третий день Удинцев пришел к ним снова, молча сел за стол, положил бумагу и стал писать, лист за листом, под копирку. Второй экземпляр положил себе в папку, первый отдал матери Смердова — пусть передаст сыну. «Что это?» — удивилась она. «Письмо, — ответил он. — Личное. От мужчины к мужчине».

Старлей Высоцкий из МУРа прочитал текст и шмыгнул носом:

— Товарищ полковник, если бы мне написали такое письмо — я бы сдался.

— К черту, — рассердился Удинцев. — Я им не проповедник. Я не Армия спасения. Я розыскник. Сводки где? Сообщения офицеров? Донец где? Ким где?

25 сентября звонок: в пригороде, возле озера, появился парень ростом под два метра, вроде бы рыбачить приехал, а сам с дороги глаз не сводит. Донец! Кличка Зек, две судимости, сильный, жестокий.

Брать Донца поехали на двух машинах. Первым шел старенький «Москвич», за рулем — старший оперуполномоченный УВД Фрунзе капитан милиции Додис, рядом — капитан Куртов из Москвы. В километре сзади поехал Удинцев с тремя своими ребятами. Первая машина подъехала к озеру в ту как раз минуту, когда Донец уже забрасывал свои вещи в кабину грузовика. Капитан Додис водителя узнал мгновенно — торговец наркотиками, но пока не попадался.

— Друг! — истошно закричал Додис, грабастая шофера в свои объятия.

И Донец, встревожившийся было, успокоился, улыбнулся даже, а тут и Удинцев со своими молодцами подоспел.

Третий!

И снова черный экран перед глазами, снова просчет вариантов, километры за километрами — где Смердов? Где Ким?

26 сентября вечером Удинцев позвонил его розыскник Кузьмин:

— Товарищ подполковник, мы взяли Смердова. Там, где вы и предполагали.

— Где Ким?

— Ушел...

Удинцев к телефону:

— Вячеслав Геннадьевич, золотко, заводи «Волгу», скорее, золотко!

Жилет застегнут, пистолет за пояс, обоймы в карманы. Не кого-нибудь — Кима, Банзая, братъ будем!

Прыгнул в машину Кузьмин, стал докладывать. Вечером, когда смеркалось, к озеру подъехало такси. Из него вышел Смердов, подошел к Кузьмину, ничего подозрительного не заметил, стал удаляться в камыши. Идти к машине — укатит, пропустить Смердова — уйдет. Кузьмин прыгнул, сделал подсечку, свалил Смердова и тут же услышал, как взревел мотор такси. В нем Ким и ушел. Куда? Думай, полковник, думай. От Фрунзе — сотня километров до Казахстана. Туда он подался? Туда, больше некуда. На той же машине? Вряд ли, не такой уж он простак. Почуввав погоню, наверняка отсидится в надежном месте. Или пойдет на рынок?

Что же это за ночь была для Удинцева, что за гонка! Кажется, все он предусмотрел, везде подстраховался, всюду теперь наготове надежные люди — из МВД, КГБ, его розыскники. Автоматы выдавать? И гранаты в придачу — Кима ведь ищем, Банзая.

Что теперь? Найти такси. Нашли. И водителя с постели подняли. Новость — Ким был с сообщником. Кто? И на этот вопрос получили ответ — живет в турецком поселке, отсюда километров сто с гаком. «Геннадьевич, золотко, скорее!»

Сзади группа захвата. Молодые парни в тельняшках на бронежилетах, краповые береты, пистолеты на боку, автоматы на шее — спецназ внутренних войск!

На этот раз с Удинцевым поехал начальник уголовного розыска Панфиловского РОВД капитан милиции Кульчаро Мендулатов.

— Расскажи что-нибудь хорошее, начальник, — попросил Удинцев, пока мчались.

— Я для своей семьи комнату снял. Пятьдесят рублей плачу.

— Я же тебя о хорошем спросил.

— Комнату снял — разве плохо?

Удинцев замолчал, насупись. Мендулатов каждый день рискует головой — и не имеет своего угла, капитан Додис ловит наркоманов, отбирает у них для казны десятки тысяч — и который год не может получить звезду майора, его розыскник Кузьмин Толя на своей машине гоняется по всей Киргизии за беглецами, при троих детях и неработающей жене

спускает несчастные свои рубли на бензин и не может получить их обратно — как им помочь, чем?

Вроде бы тот дом они окружили, вроде бы похож хозяин на сообщника Кима, но не то, промашка. Снова перебежки, снова автоматы на изготовку. Тот дом, тот хозяин. А Ким? Пустой номер, нет его. А коровник — там что?

Ярче, светлее экран, никогда еще не было на нем такой красивой картинки.

— Больно, начальник, за что?

— Здравствуй, Ким. Здравствуй, Банзай.

Удинцев пробыл в Москве недолго: объявился след Павлюченкова — и полковник полетел в «квадрат». Если ему снова улыбнется удача, семерку преступников снова можно будет усадить на скамью подсудимых в зале Мосгорсуда, которую они покинули еще в июле. Содержаться они будут все в том же Бутырском СИЗО, а возить их в суд и обратно придется караулу все той же конвойной части. И к тем, и к другим у меня одна просьба: постараться на этот раз нести службу так, чтобы полковнику Удинцеву Анатолию Николаевичу не пришлось снова гоняться за ними по всей стране. Хотя бы из чувства офицерской солидарности — коллега все-таки, одну с вами форму носит.

МВД: МИНИСТР СМЕЩЕН, ПРОБЛЕМЫ ОСТАЛИСЬ*

Новость, которую знают все: генерал-лейтенант Вадим Бакатин Указом Президента Михаила Горбачева смещен с поста министра внутренних дел СССР.

Почему так вдруг, за что именно, с каким расчетом — не знает пока никто, кроме, пожалуй, самих Горбачева и Бакатина. «В связи с переходом на другую работу», как объяснил тот же Указ? Но тогда сообщите, на какую именно, в какое ведомство, на какую должность? Поди отгадай, если на эти вопросы разводит руками даже руководитель пресс-службы Президента Виталий Игнатенко: «Вадим Викторович займет достойное место». Вот и все объяснения.

Что же тогда прикажете думать бывшим подчиненным недавнего министра — сыщикам, следователям, работникам ИТУ, пожарным, милиционерам, военнослужащим внутренних войск?

Это не просто любопытство: если Бакатин руководил безалаберно, перед шквалом преступности пасовал — значит, и весь аппарат огромного министерства, все его подразделения в центре и на местах тоже в своих трудах не преуспели. А если Вадим Викторович был достойным государственным мужем, есть ли резон останавливать его на полпути к долгожданным реформам, в отчаянных, порой зряшных, а порой и блестящих попытках вытащить МВД из провала, в который то угодило несколько десятилетий назад?

---

* Опубликовано в «Огоньке» № 52, 1990 г.

Не думаю, что мы сейчас занимаемся пустячными гаданиями и не нашего, мол, это ума дело — никому из сограждан не безразлично, что же на самом деле происходит в ведомстве, которое обязано обеспечить их безопасность и покой, оградить от пули, ножа, кастета и фомки расплодившегося жулья. И если правду от нас намеренно скрывают уже не первую неделю — будем и гадать, и домысливать сами.

Кого бы из своих коллег по прошлой службе в МВД я ни вызывал сейчас на откровенность, все без исключения либо недоуменно пожимали плечами, либо откровенно чертыхались. И вовсе не потому, что верноподданнически обожали Бакатина. Все проще: за десять последних лет им предлагают уже пятого министра. Помните — Щелокова сменил Федорчук, того — Власов, за ним пришел и почти тут же ушел Бакатин. И при каждой такой ротации не было случая, чтобы новая метла не мела по-новому, чтобы не рушились одни структуры и не изобретались новые, не предавалась анафеме политика свергнутого шефа и не воспевалась осанна новаторству нового лидера, не калечились судьбы почти каждого, кто носил форму цвета хаки или маренго, — от рядового до генерала. Как же памятно мне сидения десятков офицеров в приемных и коридорах Управления кадров всего лишь семь лет назад, когда в здание на Огарева, 6 перебрался с Лубянки Федорчук! В своем руководящем буйстве он умудрился сокрушить множество отделов, управлений, главков, и изгнанные из них часами ерзали на коридорных скамьях — куда теперь пошлют, в какую дыру загонят? Должность будет какая, оклад какой, пенсию с чего начислять будут, да и дотянешь ли до нее? Что, все эти тысячи изгнанных были сплошь мздоимцами и хапугами, повязанными Щелоковым и Чурбановым, как это тогда виделось Федорчуку и как это до сих пор утверждает в недавних интервью его тогдашний заместитель по кадрам Лежепеков? Нет, оба гебистских генерала, начав благое дело по выкорчевыванию из своего ведомства коррупции, весной и летом восемьдесят третьего года умудрились заодно, как и положено во всякой кампании, угробить и цвет офицерского корпуса МВД — розыскников, следователей, криминалистов, изрядно потрясли и Академию, и ВНИИ МВД, добрались до высших и средних училищ и спецшкол, музея, кстати, и то не забыли. А подсадка в каждое РУВД Москвы, в целый ряд областных УВД офицеров госбезопасности — это тоже вклад новаторов в борьбу с преступностью? Эти бедолаги, до того спокойно служившие по отлову хлипких диссидентов, теперь марались с убийцами, насильниками малолеток, грабителями и прочей шпаной. Стоит ли спрашивать, насколько они преуспели в окаянстве неведомой ранее службы? Стоит ли вообще интересоваться, каких успехов в борьбе с преступностью могло добиться под водительством Федорчука обобранное профессионалами МВД? И давайте сегодня не забывать, что нынешний девятый вал повсеместного злодейства набирал силу как раз тогда, в начале восьмидесятых, — как при Щелокове, так и при сменившем его Федорчуке.

Через три года разбросанные Федорчуком камни принялся собирать Власов. Именно к нему потянулись вереницы уволенных, разжалованных, оскорбленных офицеров и генералов, многих обогрел он сочувствием, восстановлением званий и должностей. Речи и интервью Власова были полны благих порывов и пожеланий, плохо скрываемого раздражения своим предшественником и обещаниями реформ. Что еще можем записать в актив министра, вскоре сменившего мундир генерал-полковника на гражданский костюм премьера России? Увы, больше нечего. Сводки о преступлениях становились все тревожнее, отчеты о раскрываемости все удручающими, но кто о них тогда знал, коли каждая цифра венчал гриф «секретно»?

Не буду гадать, попадались ли эти и другие «закрытые» документы на глаза Вадиму Бакатину в то время, когда он был первым секретарем Кемеровского обкома КПСС, насторожили ли они его или даже испугали, когда получил он предложение Горбачева стать министром внутренних дел СССР. И уж совсем глупо гадать, с желанием или подчиняясь партийной дисциплине он, сугубо штатский человек, строитель по профессии, принял должность, которую даже в постсталинские годы добром не оставлял, пожалуй, никто. Помню его на первых брифингах, которые впоследствии стали еженедельными, каждый вторник. Худощавый, лицо обаятельное, когда волнуется, голос дрожит, глаза влажнеют. Люди, близкие ему по службе, рассказывали мне, что новый министр никогда не стеснялся своего незнания специфики деятельности своих многочисленных и друг на друга непохожих служб, знакомился с каждой дотошно, но без тех придиорок, которые обожают дилетанты. И уж тем более не дергал указаниями розыскников или следователей — они профессионалы, им видней.

Потому и новации Бакатина происходили не сразу, не вдруг, и то, что ему удалось сделать за столь короткий срок, можно смело занести в его личный актив. Мне, например, дороже всего его сопереживание людским бедам, кого бы они ни постигали. Это при нем, Бакатине, прекратился, наконец, официальный голодомор заключенных в тюрьмах и штрафных изоляторах — теперь они каждый день получают хоть скудную, но горячую пищу, по сравнению с прежней кружкой воды и ломтем хлеба это едва ли не пиршество. Могу себе представить, сколько критических стрел было выпущено в министра за этот гуманный акт, соответствующий, кстати, принятым ООН «Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными». В ряде женских колоний узницы получили возможность краткосрочных отпусков, и перестраховщики даже расстроились — никто не сбежал. А разрешенная летом добавка к передачам овощей и фруктов? А закрытие десятков обветшалых, гробящих людей колоний? А не раз повторяемое министром требование убрать наконец лимит с личной переписки осужденных?

Знаю, слышал — болью Бакатина прежде всего была милиция: ее бесправие, незащищенность, отсутствие социальных гарантий, унижительная зарплата. И вот уже год, как оперуполномоченные уголовного розыска получили существенную прибавку, она постепенно распространилась

и на другие службы. Не забыты были и оперативные части внутренних войск — не дикость ли, что, месяцами находясь под пулями, офицеры и прапорщики получали лишь три с полтиной командировочных? Теперь у них и служба засчитывается в выслугу месяц за полтора и оклады полуторные. Понимаю, за каждодневный риск это крохи, но все же...

А какова, спросите, отдача от этой заботы, удалось ли руководимому Бакатиным МВД остановить наступление преступной армады? Представьте себе — удалось. Вот подтверждение: за девять месяцев нынешнего года квартирных краж стало меньше вдвое, грабежей — в пять раз, тяжких телесных повреждений — в три раза. А темп роста преступности на улицах сократился в восемь раз. Согласен, этого явно недостаточно — ведь терзающие общество злодейства все равно растут: за девять тех же месяцев их стало больше на 12,3 процента. Но все же это уже не так страшно, как было в году минувшем, — тогда уголовщина преподнесла нам рост преступлений аж на 32,1 процента.

Посильный удар был нанесен и дельцам теневой экономики — в первом полугодии нынешнего года только хищений в особо крупных размерах выявлено на четверть больше, чем в году минувшем. Махинаторам, дельцам и спекулянтам пришлось расстаться почти с двадцатью двумя миллионами нахапанных рублей. Встревожились и те группировки, которые мы называем организованными или просто мафиозными, — обезврежено около тысячи банд, на счету которых свыше трех тысяч преступлений, включая 61 убийство.

И вот тут отдадим должное бывшему министру — в более чем деликатных отношениях с коллегами за пределами Москвы он проявил себя и политиком, и дипломатом. В недавнем октябре ему удалось почти невозможное — провести совещание министров внутренних дел всех без исключения союзных республик. В Обращении, которое они приняли к личному составу органов внутренних дел страны, недвусмысленно сказано: «Для бескомпромиссной и наступательной борьбы с преступностью, и в первую очередь с ее организованными проявлениями, сегодня крайне необходимы консолидация, единение усилий союзных и республиканских правоохранительных органов, деловое сотрудничество между органами внутренних дел союзных республик». А вот и конкретнее — Бакатину удалось заключить договор о сотрудничестве с МВД Эстонии, успешно начать переговоры с МВД Латвии.

Можно себе представить, какой белой вороной становился Бакатин в глазах своих коллег по правительству, — дай Бог премьеру Рыжкову собрать своих коллег из Риги и Кишинева, Баку и Тбилиси хотя бы на чашку чая!

Повторю еще раз — готовность Бакатина сотрудничать, а не просто командовать министрами внутренних дел союзных республик, не менее, а может быть, и более важна, чем взаимодействие с МВД стран Восточной Европы или вступление в Интерпол.

После таких шагов нельзя, невозможно было не ожидать атаки справа, со стороны наиболее консервативных сил административно-командной системы. И она началась — первой бросила перчатку вольнодумному министру газета ЦК КПСС «Гласность». На протяжении месяцев она повела против МВД в целом и против Бакатина в частности хорошо спланированную кампанию наветов, передержек, прямых угроз. Вот ее обвинения только из трех номеров — 17-го, 18-го, 19-го: «Местные органы внутренних дел утеряли прочные связи с центром, не получают отсюда помощи и поддержки»; «Беспомощность органов внутренних дел в борьбе с преступностью требует принятия решительных мер»; «...примеры бездействия органов внутренних дел при вопиющих нарушениях закона молдавскими националистами, попустительство преступникам, — еще одно свидетельство серьезных недостатков в работе МВД СССР». Чувствуете организующую и направляющую роль нынешних почитателей «Гласности»?

Нельзя сказать, чтобы Бакатин не замечал этих выпадов, отмахивался от них или тем более робел. Последний доклад бывшего министра правительству примечателен спокойным достоинством тона, смелостью суждений. Вот, например, такое: «Что нужно для сохранения милиции от развала? Самое простое. Прежде всего... перестать перекладывать бремя власти на милицию, перестать делать из органов внутренних дел «козлов отпущения» за провалы в экономике, политике и управлении». Еще: «Коррупцией поражаются учреждения, организации, предприятия, целые отрасли, во главе которых стоят ответственные лица». Еще более откровенно: «Углубляющийся кризис все отчетливее свидетельствует, что главнейшая проблема криминогенности многих сфер экономики — в коррупции. Она поразила даже систему государственного управления».

В письме на имя Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова Бакатин идет еще дальше: он категорически против того, чтобы милиция или внутренние войска распускали Советы, принимающие решения, противоречающие Конституции и законам, вмешивались в политическую жизнь суверенных республик. И как министр подтвердил это на деле — части внутренних войск, введенные в Приднестровье, выполняли только миротворческие функции, не стали препятствовать выборам в Верховный Совет не признанной Молдовой республики. Помните, какой сокрушающей критике подвергли их за этот вполне понятный нейтралитет в Кишиневе? Догадываетесь, как сплотились против Бакатина те ответственные лица в системе государственного управления, которые сами были не без греха?

Поэтому безуспешно бился он над скорейшим принятием Законов о советской милиции и оперативно-розыскной деятельности, введении для своих сотрудников обязательного государственного и личного страхования, установлении компенсационных выплат в случае их гибели, ранения, контузии или увечья при исполнении служебных обязанностей. И, наконец, обосновывал, просил, требовал изыскать, наскрести,

выкроить для своих работников средства для достойной зарплаты: «Оклады денежного содержания не учитывают сложности задач, возросшую степень личного риска, морально-психологических и физических перегрузок, связанных с особыми условиями труда. Зарботная плата милиционера на 65 рублей меньше среднего заработка рабочего в промышленности». Знаю наверняка: и рядовые милиционеры, и офицеры служб МВД не просто надеялись — верили, что существенная прибавка ждет их с первого января будущего года, слово их министра с делом пока не расходилось. Знаю и то, что, коли этой добавки не будет, очень многие профессионалы будут просто вынуждены уйти в кооперативы или скорее всего в частные сыскные бюро, наняться охранниками в совместные предприятия. Неужели не спохватимся, неужели допустим это?

Нет, не вдруг, не с кондачка, не сгоряча сместили Бакатина. Давайте вспомним события совсем недавние и выстроим их в логическую цепочку. Не забыли, как, спасая правительство Рыжкова от естественной в его положении отставки, Президент в середине ноября пообещал Верховному Совету СССР, что «в состав кабинета министров должны войти новые, инициативные, по-современному мыслящие работники». На первый взгляд непосредственно к Бакатину это не относится. А теперь процитирую пункт третий из постановления Верховного Совета СССР от 23 ноября, это уже ближе: «Предложить Президенту СССР в случае нарушения определенных Конституцией СССР прав граждан и возникновения угрозы их жизни, здоровью и имуществу принимать все предусмотренные законодательством СССР меры, вплоть до чрезвычайных».

Что предусматривает законодательство — знаю, как его предлагал дополнить Бакатин — слышал, но что такое чрезвычайные меры по защите нашей с вами жизни, здоровья, имущества — хоть убей, не пойму. Что, выдадим каждому обывателю по бронежилету и автомату? Введем повсеместно комендантский час? Узаконим превентивное заключение всех подозрительных?

Мне кажется, первая конкретная чрезвычайная мера выразилась в замене Бакатина Пуго и Громовым. Свое мнение о столь частых сменах руководителей МВД я уже высказал выше, недавнее прошлое не позволяет мне быть оптимистом и в будущем. Дай, как говорится, Бог, чтобы новый министр сделал хотя бы то, что не довел до конца его предшественник, — добился принятия Закона о милиции и новым жалованием помог своим подчиненным сводить концы с концами. Чтобы милиционер твердо знал — он, как и часовой на посту, лицо неприкосновенное. А граждане так же твердо были бы уверены, что от законных требований стража порядка нельзя отмахнуться, нельзя безнаказанно лезть на него с кулаками или ножом, что только при этих неперемennых условиях он будет их верным защитником. Что же касается самих новых руководителей МВД, я не стану сейчас, как многие мои коллеги, гадать об их будущей политике и первых шагах на новом поприще, ждать осталось недолго, увидим сами. Но если действительно правда, что Бака-

тина сгубила его терпимость к самостоятельности отбившихся от рук республиканских МВД, если кому-то из сильных мира сего пришлось не по нутру его нежелание превращать милицию и внутренние войска в ударный кулак при политических столкновениях левых и правых — в таком случае tandem Пуго — Громов видится отнюдь не случайным и успокоения не вызывающим. В одном из своих первых интервью новый министр высказал свое кредо: «Верю в профессионалов!» Мысленно я ему поаплодировал, а потом подумал: а не поставил ли Борис Карлович столь категорическим утверждением в неловкое положение своего первого заместителя? В самом деле, если сам Пуго за почти восемь лет работы в КГБ Латвии поднакопил кое-какой опыт оперативной работы, то каким же профессионалом в МВД может считать себя генерал-полковник СА Громов? Неужели при назначении был принят во внимание его опыт командования 40-й армией во время нашей позорной интервенции в Афганистан? Проведенные под его руководством боевые действия и карательные акции? Где, в каких ситуациях этот опыт генерал-полковника может пригодиться в родной нашей стране, которая больше всего нуждается в гражданском согласии, терпимости друг к другу, использовании в качестве аргумента при спорах не силы, но слова?

Поверьте, я бы не пускался в эти отнюдь не бесспорные рассуждения, если бы все мы получили исчерпывающие ответы на сессии Верховного Совета СССР, попытавшейся получить объяснения о причинах отставки Бакатина и назначения Пуго и Громова. Вспомните, что сказал по этому поводу Президент, как объяснялся Бакатин, — поймете что-нибудь? Ровно ничего. Ну, а сам Указ об отставке утвержден? Тоже нет — в первый день не было кворума, на второй решение Президента получило явное меньшинство, а там и вообще подоспел перерыв аж до самого Нового года. Правда, под занавес председательствующий успел напомнить депутатам, что, несмотря на несостоявшееся голосование, Указ о замене Бакатина остается в силе. Напоминание, полагаю, излишне: коли приняли чрезвычайный Закон о дополнительных полномочиях Президента, соглашайтесь и с чрезвычайными Указами.

Вернемся, впрочем, из высоких сфер в будни нашей повседневной жизни. Днями я позвонил старому другу, чудом уцелевшему в центральном аппарате МВД после всех перетрясок и пережившему четырех министров. Он профессионал высшего класса, должность занимает высокую, а себя называет просто сыщиком. Рассказывает: был в дальней командировке, вышел на след опаснейшей банды из пяти человек, четырех взял, пошел было за пятым, а тут телефонограмма из Москвы — немедленно вернуться! Человек дисциплинированный, он махнул рукой ребятам из опергруппы, примчался в министерство, выслушал указание и ахнул: велено было срочно засесть за справку новому министру. Справка объемная, с выкладками и цифирью, по-моему, он сочиняет ее до сих пор.

А пятый из неотловленных бандитов все еще в бегах.

СОДЕРЖАНИЕ

Крыша	3
Вы слышите — грохочут сапоги	16
Белые флаги	21
Всесоюзный розыск	32
МВД: министр смещен, проблемы остались	41

РОЖНОВ Георгий Владимирович

ВСЕСОЮЗНЫЙ РОЗЫСК

Очерки

Редактор В. А. Аграновский

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 12.03.91. Подписано к печати 17.04.91. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,32. Тираж 90000 экз. Зак. № 292. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

СОДЕРЖАНИЕ

Крыша	3
Вы слышите — грохочут сапоги	16
Белые флаги	21
Всесоюзный розыск	32
МВД: министр смещен, проблемы остались	41

РОЖНОВ Георгий Владимирович

ВСЕСОЮЗНЫЙ РОЗЫСК

Очерки

Редактор В. А. Аграновский

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 12.03.91. Подписано к печати 17.04.91. Формат 70 × 108¹/₁₆.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отг. 2,28. Уч.-изд. л. 3,32. Тираж 90 000 экз. Зак. № 292. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
В ЭТОМ ГОДУ
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- О. МАНДЕЛЬШТАМ «Четвертая проза»;
Е. РЕЙН «Непоправимый день»;
В. НИКОЛАЕВ «Горсовет по-американски»;
С. ЛИПКИН «Угль, пылающий огнем»;
Г. АКСЕНОВА «Театр на Таганке: 68-й и другие годы»;
И. ЭРЕНБУРГ «Неправдоподобные истории»;
Л. ЧУКОВСКАЯ «Сверстнику»;
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ «Бессонница»;
К. БАЛЬМОНТ «Где мой дом?»;
Ю. КАРАБЧИЕВСКИЙ «Незабвенный Мишуня»;
В. РЕЦЕПТЕР «До третьего звонка»;
Б. ЗАЙЦЕВ «Братья — писатели»;
М. КВЛИВИДЗЕ «Продолжение следует»;
Г. БЕЛАЯ «Затонувшая Атлантида»;
А. АНАНЬЕВ «Конец опричнины»;
Б. ПЕТРОВСКИЙ «Два человека — одно сердце»;
В. СЕЛЮНИН «Все у нас получится»;
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ «История моего заключения»;
В. КОСТИКОВ «Сумерки свободы»;
Е. ДОБРОВОЛЬСКИЙ «Заполярные ангелы»;
А. ПЬЯНОВ «Утренние птицы».